B165
145

О колонизаціи Печорскаго уѣзда.

Записка

исп. об. Архангельскаго Губернскаго Агронома
К. К. Тулубьева.

АРХАНГЕЛЬСКЪ.
Губернская Типографія.
1910.

B165 145

О колонизаціи Печорскаго уѣзда.

Записка

исп. об. Архангельскаго Губернскаго Агронома
К. К. Тулубьева.

АРХАНГЕЛЬСКЪ.
Губернская Типографія.
1910.

Печатано по распоряженію Архангельскаго Губернатора.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
794300

О колонизаціи Печорскаго края.

Задача автора.

Усиленное вниманіе, обращенное за послѣдніе годы правительствомъ и обществомъ на вопросы, связанные съ экономическою будущностью Печорскаго края, въ особенности на вопросъ объ его колонизаціи, вызвало энергичную разработку наличнаго (правда, весьма скуднаго) запаса свѣдѣній о современныхъ условіяхъ экономической жизни этого края и его экономическихъ потенціалахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ призвало къ жизни нѣсколько попытокъ не только расширить объемъ знаній нашихъ о немъ, но и приблизиться къ практическому рѣшенію поставленныхъ жизнью задачъ—въ отношеніи широкаго использованія его наличныхъ и предполагаемыхъ богатствъ.

Наибольшее количество вниманія и энергіи затрачено на разрѣшеніе вопроса о колонизаціи Печорскаго края, такъ какъ вопросъ этотъ по цѣлому ряду причинъ сталъ центральнымъ въ области заботъ объ экономическомъ развитіи названнаго края. И хотя нельзя сказать, чтобы настойчивая работа правительственныхъ силъ и общественной иниціативы въ указанномъ направленіи существенно подвинула впередъ, какъ знанія наши о жизни края, —въ тѣхъ областяхъ, которыя ближайшимъ образомъ затрогиваются вопросомъ колонизаціи,—такъ и практическую возможность скорѣйшаго заселенія края, но при всемъ томъ работа эта не пропала даромъ и принесла цѣнные плоды.

Наиболѣе цѣннымъ результатомъ ея должно признать всестороннее освѣщеніе поставленнаго вопроса. Какъ ни ограниченъ тотъ матеріалъ, надъ которымъ приходилось оперировать людямъ, стоявшимъ надъ этимъ дѣломъ, его тщательная оцѣнка и повѣрка путемъ доступнаго личнаго наблюденія и опыта дали возможность, по крайней мѣрѣ, перевести обсужденіе вопроса изъ области апріорныхъ и въ высшей степени суммарныхъ предположеній на конкретную реальную почву. Приблизившись тѣмъ самымъ, до нѣкоторой степени, къ своему практическому разрѣшенію, вопросъ о колонизаціи Печорскаго края получилъ въ то-же время ту правильную перспективу, которая существенно необходима для всякаго практическаго начинанія, а тѣмъ болѣе для начинанія крупной государственной важности.

Отмѣченный результатъ разработки даннаго вопроса даетъ возможность указать теперь опредѣленно основныя условія, необходимыя для благопріятнаго разрѣшенія задачи колонизаціи Печорскаго края, освѣщаетъ трудности, лежащія на пути къ осуществленію этой задачи, и указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ направленіе, по которому должна пойти работа правительственныхъ органовъ и общественная иниціатива,—если вопросъ о заселеніи края сохранитъ прежнее положеніе насущной задачи текущаго момента государственной жизни,—чтобы сдѣлать такую задачу дѣйствительно разрѣшимой.

Въ данное время бурное движеніе вопроса о колонизаціи Печоры претерпѣваетъ нѣкоторый кризисъ,—положеніе наиболѣе удобное для того, чтобы объективно подвести итоги прошлой работѣ и намѣтить главныя вѣхи будущей. Таковы соображенія, вызвавшія во мнѣ сознаніе долга выступить съ настоящимъ очеркомъ. Непосредственно отсюда вытекаютъ и прямыя задачи послѣдняго.

Общій очеркъ Печорскаго края.

Чтобы оцѣнить всю огромную разносторонность государственной задачи, опредѣляемой словами „колонизація Печорскаго края“, необходимо помнить, что рѣчь идетъ объ области, занимающей, по приблизительнымъ вычисленіямъ, около 250 тысячъ квадратныхъ верстъ, т. е. до 30 милліоновъ десятинъ. Эта огромная область, обнимающая бассейнъ Печоры и ея многочисленныхъ притоковъ, составляетъ восточную половину Мезенскаго и весь Печорскій уѣздъ Архангельской губерніи, простираясь на востокъ до Уральскаго хребта, а на югѣ захватываетъ сѣверныя части Устьсысольскаго уѣзда Вологодской губерніи и Чердынскаго Пермской. Географическое простираніе края, достигающее 8° широты и 15—16° долготы, само по себѣ даетъ нѣкоторое представленіе о значительномъ разнообразіи его естественныхъ условій, которое неизбѣжно стирается въ нашемъ представленіи, когда вольно или невольно приходится говорить о Печорскомъ краѣ, какъ единомъ цѣломъ, но о которомъ, очевидно, нельзя, забывать ни на минуту, когда рѣчь идетъ о постановкѣ практическихъ задачъ, тѣсно связанныхъ съ естественной обстановкой области. Представляя собою въ большей части равнину, Печорскій край прорѣзывается въ нѣсколькихъ направленіяхъ отрогами Уральскихъ горъ, значительно разнообразящими господствующій типъ рельефа края.

Климатическое разнообразіе интересующей насъ области является производнымъ не одного только значительнаго протяженія ея по меридіану, но и многихъ другихъ физическихъ условій. Подвигаясь по одной и той-же параллели на востокъ, можно прослѣдить наглядные признаки пониженія средняго уровня температуры съ неменьшей очевидностью, чѣмъ и при переходѣ съ юга въ болѣе сѣверную часть области. Экспедиція Соколова,

со словъ жителей Устьсысольскаго уѣзда, объясняетъ замѣченное ею тамъ параллельное явленіе ухудшенія климатическихъ условій по одной и той-же широтѣ въ направленіи съ запада на востокъ—степенью близости Уральскаго хребта.*) Для сѣверной части края вполнѣ возможнымъ представляется другое объясненіе, ставящее описанную особенность климата въ причинную зависимость отъ рѣзкой разницы температурныхъ условій Баренцова моря съ одной стороны,—Карскаго съ другой. Какъ бы то ни было, но колебанія средней температуры между различными частями области настолько велики, что, напримѣръ, на протяженіи 250 верстъ по теченію рѣки Уссы,—восточнаго притока Печоры, протекающаго въ предѣлахъ одного и того же градуса широты,—члену экспедиціи 1909 года г. Мамадышскому удалось прослѣдить постепенное исчезновеніе условій, дающихъ возможность наличному населенію названнаго района заниматься посѣвомъ ячменя. Климатическія условія, необходимыя для занятія земледѣліемъ (принимая за опредѣленную величину наличный уровень сельскохозяйственной техники населенія), отсутствуютъ не только на сѣверо-востокѣ Печорскаго края, но и на сѣверозападѣ, Пустозерской волости, расположенной по нижнему теченію самой рѣки Печоры. Южнѣе этой волости, въ районѣ Устьцильмы, земледѣльческая культура начинаетъ играть извѣстную роль въ жизни населенія, а въ наиболѣе южной своей части Печорскій край уже граничитъ съ поясомъ земледѣлія, составляющаго главное занятіе жителей.

Растительный покровъ края также разнообразенъ, какъ вообще разнообразны его естественныя условія. Южная часть считается областью лѣсовъ по преимуществу, я говорю „считается“ потому, что данныя позднѣйшихъ изслѣдованій, кажется, даютъ нѣсколько иныя представленія о степени лѣсистости края въ его южныхъ широтахъ. Не имѣя возможности непосредственно ознакомиться съ этими данными, я не могу дать болѣе подробныя свѣдѣнія по этому вопросу. Во всякомъ случаѣ по сравненію съ сѣвернымъ райономъ области южная часть его несомнѣнно—область лѣса. Въ сѣверныхъ широтахъ края древесная растительность постепенно исчезаетъ, отступая передъ исключительнымъ почти господствомъ мха. Вотъ, напримѣръ, какую картину рисуетъ экспедиція 1903 г. (организованная управляющимъ архангельскою казенною палатою А. П. Ушаковымъ), описывая Пустозерскую волость: „берега (рѣкъ) низки, сразу переходятъ въ тундру; лѣсовъ нѣтъ, за исключеніемъ

*) Труды экспедиціи по изслѣдованію земель Печорскаго края Вологодской губерніи, подъ ред. П. И. Соколова, т. I. 1909 г.

ивняка у береговъ, низкорослой кустарниковой березы и кое-гдѣ отдѣльно стоящихъ лиственницъ".*)

Сѣверъ Печорскаго края—безспорное царство тундръ, этихъ пустынь сѣвера. Тутъ распростерлись двѣ огромныя тундровыя области: Тиманская или Малоземельская, и Большеземельская, занимающія въ совокупности до 16 милліоновъ десятинъ, т. е. болѣе половины общей поверхности края. О природѣ тундры и въ связи съ этимъ о ея почвенныхъ „потенціалахъ" за послѣдніе годы много писалось. Съ этой точки зрѣнія мнѣ также придется говорить о ней. Въ данный же моментъ считаю необходимымъ лишь повторить то, что уже сказано мною выше о ходячихъ представленіяхъ относительно Печорскаго края въ его цѣломъ: ландшафтъ и почвенный покровъ тундры настолько разнообразны, что было бы большой ошибкой оперировать понятіемъ тундры, какъ единаго почвеннаго типа. Въ окрестностяхъ Пустозерска эта тундра является передъ глазами наблюдателя въ видѣ обширной песчаной равнины, покрытой рѣдкимъ моховымъ покровомъ и ползучей березой; въ области Уссы можно наблюдать другой типъ тундры, описываемый начальникомъ Печорской экспедиціи 1909 года г. Журавскимъ,—тундры кочкарниковой: здѣсь встрѣчаются пространства огромныхъ кочекъ, въ ростъ человѣка, и пробираться между ними приходится по промежуточнымъ углубленіямъ, служащимъ въ то-же время пріютомъ болѣе живой растительности. Но тутъ же въ нѣсколькихъ саженяхъ попадаются совершенно заболоченныя пространства, постоянно чередующіяся съ участками возвышенной сухой тундры.

Описаніе растительнаго покрова Печорскаго края было бы существенно не полно, если бы я не сказалъ объ особенностяхъ растительности его рѣчныхъ долинъ. Рѣчныя русла играютъ тутъ роль естественныхъ осушительныхъ канавъ. Берега Печорскихъ рѣкъ какъ бы приподняты надъ общимъ горизонтомъ окружающихъ ихъ площадей, представляя береговыя гряды иной разъ въ нѣсколько сотъ и даже десятковъ саженей, которыми охотно пользуются переселенцы для устройства поселковъ, а за этими грядами тянется обычная картина тундръ и болотъ. Низменные же берега рѣкъ, подвергающіеся ежегоднымъ разливамъ, служатъ областью исключительно пышнаго развитія луговой растительности и потому играютъ особую роль въ экономическомъ обиходѣ крестьянина, наравнѣ съ многочисленными наносными островами. Естественныя богатства края, если не считать лѣса, большихъ рыбныхъ богатствъ, дичи, упомянутыхъ поемныхъ луговъ и запасовъ оленьихъ пастбищъ въ тундрахъ, существуютъ въ данное время лишь въ видѣ голаго перечня различныхъ

*) Комитетъ для помощи поморамъ Русскаго Сѣвера. „Печорскій Край". Подворно—экономическое изслѣдованіе селеній Печорскаго уѣзда. 1904 г.

ископаемыхъ, извѣстныхъ нерѣдко съ давнихъ временъ, но еще ожидающихъ своего изслѣдователя и промышленника. Въ болѣе счастливыхъ условіяхъ оказалась нефть, залегающая въ самой южной области Печорскаго края, въ районѣ рѣки Ухты, изслѣдованіями которой заинтересовалось и правительство, и отдѣльныя лица: ея промышленное значеніе выяснится, быть можетъ, въ самомъ близкомъ будущемъ. Что касается богатствъ края въ смыслѣ его сельскохозяйственныхъ потенціаловъ, то это вопросъ особый, разсмотрѣнію котораго и будетъ посвящено мое дальнѣйшее изложеніе.

Населеніе огромнаго Печорскаго края, распадающееся на три племенныя группы: русскихъ, зырянъ и самоѣдовъ,—исчисляется всего-на-всего десятками тысячъ. По офиціальнымъ даннымъ 1897 года, русскихъ числилось тамъ (въ предѣлахъ Архангельской губерніи)[1]) 10234 человѣка, зырянъ 21971 и самоѣдовъ—2765 человѣкъ. Новѣйшія офиціальныя данныя Архангельскаго Статистическаго Комитета,[2]) разумѣется, болѣе чѣмъ приблизительныя, исчисляютъ населеніе Печорскаго уѣзда Архангельской губерніи въ 46028 человѣкъ, что составитъ въ среднемъ менѣе одного человѣка на 5 квадратныхъ верстъ.

Картина крайняго безлюдья области должна еще болѣе усугубиться, если принять въ соображеніе, что и это населеніе распредѣлилось по пространству всего края въ высшей степени неравномѣрно. Мѣстомъ наибольшей плотности заселенія является районъ Устьцыльмы-Ижмы, служащихъ административнымъ и торгово-промышленнымъ центромъ области. Внѣ этого района населеніе края разбросано очень рѣдкими и маленькими поселками по берегамъ главныхъ рѣкъ, главнымъ образомъ по самой Печорѣ, а остальная область—царство пустыни, посѣщаемой только кочевымъ населеніемъ края—оленеводами и промышленниками-охотниками.

Источники средствъ существованія населенія болѣе или менѣе одинаковы по всему пространству описываемаго края, но относительное значеніе отдѣльныхъ отраслей въ экономической дѣятельности населенія весьма колеблется по отдѣльнымъ районамъ. Такъ, напримѣръ, роль земледѣльческаго хозяйства,—вообще очень скромная въ экономическомъ обиходѣ печорскаго жителя, поднимается по мѣрѣ повышенія географической широты района и, какъ я уже указалъ, сходитъ къ нулю въ сѣверной и сѣверо-восточной его частяхъ. Гораздо болѣе широкое распространеніе и несравненно болѣе прочное значеніе для мѣстныхъ жителей имѣетъ хозяйство скотоводческое наряду съ оленеводствомъ: съ ними могутъ конкурировать въ указанныхъ отношеніяхъ лишь рыболовство и охота. Второстепенную роль играютъ лѣсные за-

[1]) Первая всеобщая перепись 1897 г. Архангельской губерніи.
[2]) Памятная книжка Архангельской губерніи на 1909 годъ.

работки, вызванные къ жизни существованіемъ въ устьѣ Печоры лѣсопильнаго завода, извозный промыселъ, промыслы, находящіеся въ связи съ оленеводствомъ, какъ, напримѣръ выдѣлка замши и т. д.

Заканчивая этотъ поневолѣ поверхностный общій очеркъ края, я долженъ былъ бы точно формулировать итогъ сдѣланныхъ мною указаній на значительное разнообразіе естественныхъ и экономически бытовыхъ условій области, давъ точное разграниченіе районовъ съ индивидуальными особенностями естественной и бытовой обстановки, на которые дѣлится Печорскій край. Подобнаго рода разграниченіе, разумѣется, было бы существенно необходимо въ интересахъ основной задачи моей—освѣщенія вопроса о колонизаціи Печорскаго края, ибо уже изъ всего мною сказаннаго можно видѣть, что раціональная постановка и рѣшеніе подобной задачи возможны не въ огульномъ видѣ—въ отношеніи всей названной области въ ея цѣломъ, а лишь по отношенію къ точно охарактеризованнымъ отдѣльнымъ ея частямъ. Къ сожалѣнію, наличное состояніе знаній о краѣ таково, что нѣтъ возможности сдѣлать правильную разбивку его на отдѣльные районы по суммѣ интересующихъ насъ признаковъ. Изученіе края шло до сихъ поръ урывками, сплошного изслѣдованія всей области по какой либо одной программѣ, дающей сравнимыя данныя обо всемъ краѣ, не было. Цѣлые обширные районы остались до сихъ поръ совсѣмъ за предѣлами сколько нибудь обстоятельнаго изученія. Поэтому нѣтъ возможности избрать такой комплексъ признаковъ, важныхъ съ точки зрѣнія стоящей предо мной задачи, который могъ бы лечь въ основу классификаціоннаго разграниченія всей области на частные районы.

При всемъ томъ, суммируя имѣющійся запасъ данныхъ по изученію Печорскаго края, необходимо указать нѣсколько отдѣльныхъ районовъ, которымъ посчастливилось въ дѣлѣ изученія больше другихъ, естественный и бытовой обликъ которыхъ вслѣдствіе того обрисовался болѣе опредѣленными штрихами. Именно ихъ придется мнѣ имѣть въ виду въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Изслѣдованія, охватывающія одновременно и естественную картину края и бытъ его населенія, производились на Печорѣ двумя экспедиціями. Одна изъ нихъ, уже упоминавшаяся мною экспедиція, организованная управляющимъ архангельской казенной палатою А. П. Ушаковымъ въ 1903 г., успѣла описать только районъ теченія самой Печоры въ предѣлахъ четырехъ волостей: Пустозерской, Красноборской, Устьцилемской и Устькожвинской, не затронувъ въ высшей степени интереснаго района юго-западной части области, расположеннаго по рѣкамъ Цыльмѣ, Ижмѣ и Пижмѣ. Другая экспедиція 1909 года, организованная Главнымъ Управленіемъ Землеустройства и Земледѣлія подъ руководствомъ А. В. Журавскаго, освѣтила противоположный сѣверо-восточный

районъ—рѣки Уссы и ея притоковъ Большой и Малой Сыни, Адзьвы и Косьи. Область изслѣдованія экспедиціи 1903 года, согласно даннымъ ею самой характеристикамъ, можно подраздѣлить: на сѣверную половину, характеризуемую Пустозерскимъ райономъ и захватывающую также сѣверную часть Устьцилемской волости, и южную, обнимающую остальную часть изслѣдованнаго названной экспедиціей пространства, характеризующуюся присутствіемъ *относительно* развитаго земледѣлія.

Вполнѣ своеобразную физіономію имѣетъ изслѣдованный г. Журавскимъ и его сотрудниками бассейнъ Уссы, какъ районъ наибольшей, по мнѣнію самого Журавскаго, колонизаціонной емкости, являющійся въ то же время краемъ однихъ пока задатковъ. Кромѣ того, я уже говорилъ о своеобразномъ поясѣ сплошныхъ тундръ, залегающихъ по сѣверной окрайнѣ описываемой области,—поясѣ оленеводства по преимуществу.

Исторія заселенія Печорскаго края.

Картина современнаго заселенія Печорскаго края представляетъ собою продуктъ долгаго историческаго процесса, теченіе котораго мы наблюдаемъ еще и въ настоящее время. Процессъ этотъ имѣетъ характеръ упорной, хотя, быть можетъ, слишкомъ медленной естественной колонизаціи. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что идея колонизаціи Печорскаго края, если брать ее не въ узкой формѣ особой задачи планомѣрной дѣятельности государственной власти, является идеей, проникающей всю исторію Печорскаго края.

На зарѣ исторіи русскаго государства, представляющей собою эпоху наивысшаго подъема русской колонизаціонной волны, двигавшейся на сѣверъ и сѣверо-востокъ теперешней Европейской Россіи, мы уже находимъ отпрыски этой волны и въ предѣлахъ Печорскаго края. Лѣтопись Нестера уже знакома съ народомъ Печорою, подъ каковымъ именемъ она разумѣетъ, повидимому, одно изъ племенъ Чуди-Югры, живущее на Печорѣ, и передаетъ разсказъ новгородца Георгія Роговича: „яко послалъ отрокъ свой въ Печору, люди яже суть дань дающе Новгороду“ *). Такимъ образомъ, къ описываемому лѣтописцемъ времени уже успѣли установиться между аборигенами края и наступающимъ русскимъ элементомъ-новгородцами постоянныя отношенія, характеризовавшіяся подчиненіемъ коренного населенія края Новгороду въ формѣ платежа дани. Тотъ же характеръ сохраняютъ эти отношенія въ послѣдующіе вѣка исторіи Новгорода и историческаго пріемника его, княжества и царства Московскаго. Въ эту эпоху еще не видно историческихъ указаній на возникновеніе колонизаціи края русскимъ мирнымъ элементомъ: колонизація носитъ характеръ первоначальнаго военнаго занятія страны, послѣ предварительнаго покоренія населенія,—для поддержанія надъ нимъ господства. Цѣлые вѣка продолжа-

*) Ефименко. „Заволоцкая Чудь“.

лась въ области борьба за упроченіе русскаго господства, начиная съ XII и вплоть до XVI вѣка, пока не установились здѣсь условія, благопріятныя для мирной колонизаціи. Еще въ 1499 году московскіе воеводы, князь Ушатовъ-Курбскій и Заблоцкій Бражинъ, срубаютъ въ низовьяхъ Печоры укрѣпленный городокъ-Пустозерскій Острогъ и ходятъ отсюда воевать *за* Уралъ съ Югрой. Немного позже этого, въ половинѣ *XVI* столѣтія уже появляются въ краѣ піонеры колонизаціи въ собственномъ смыслѣ этого слова, осѣдавшіе въ немъ для борьбы экономической.

Лѣтопись Устьцылемской церкви сохранила разсказъ о появленіи здѣсь одного изъ такихъ піонеровъ, новгородца Ивашки Дмитріева Ластки съ товарищемъ, получившаго отъ Великаго Князя Московскаго разрѣшеніе поселиться въ этихъ мѣстахъ, пользоваться угодьями и „копить слободу“, уплачивая въ Москву опредѣленный оброкъ. Онъ же получилъ отъ Великаго Князя право суда надъ жителями новой слободы и извѣстнаго рода административную власть.

Ближайшій къ этому времени историческій періодъ конецъ XVI и XVII вѣкъ, далъ, повидимому, значительный притокъ колонизаціоннаго элемента на Печору изъ внутренней Россіи. Объ этомъ свидѣтельствуютъ показанія о времени возникновенія многихъ поселеній края. Напримѣръ, цѣлый рядъ поселеній вокругъ Пустозерска возникъ еще во времена Іоанна Грознаго, и лишь относительно немногихъ изъ поселеній этого района существуютъ данныя, заставляющія относить ихъ образованіе къ XVIII и XIX столѣтіямъ.

Экономическое завоеваніе края новыми поселенцами не всегда выливалось въ форму прямого вытѣсненія прежнихъ обитателей края съ арены ихъ экономической дѣятельности. Такого типа вытѣсненіе мы видимъ въ отношеніи самоѣдовъ, которые Іоанну Грозному били челомъ, что „ихъ рыбныя ловли и звѣриные урожаи отнимали у нихъ печоряне и пермяки за себя“. Но рядомъ съ этимъ у того же автора, который приводитъ только что цитированную челобитную, [1]) мы находимъ не мало указаній на племенную ассимиляцію русскихъ колонистовъ съ аборигенами Печорскаго края, указывающую на то, что исторія отношеній этихъ племенныхъ элементовъ знала довольно продолжительный періодъ болѣе или менѣе широкаго ихъ сожитія.

Одно изъ племенъ, которыхъ застали въ области новые пришельцы, не только благополучно ужилось съ ними, но и сыграло самостоятельную крупную роль въ исторіи заселенія и экономическаго развитія Печорскаго края. Я говорю о зырянахъ. По преданію, приводимому С. В. Мартыновымъ,[2]) зыряне (или ихъ

---

[1]) „Печорскій Край“, ч. 1-я, стр. 3.
[2]) Тамъ-же, ч. 2-я, стр. 17.

предки—Чудь) жили по берегамъ рѣки Ижмы въ то время, когда здѣсь сталъ появляться русскій элементъ; онъ думаетъ, что теперешніе зыряне являются не только продуктомъ ассимиляціи Чуди съ русскими, но и болѣе ранней ассимиляціи—съ самоѣдами. Иную историческую картину рисуетъ К. Жаковъ, [1]) руководствуясь болѣе солиднымъ матеріаломъ. По его мнѣнію, до-историческимъ очагомъ зырянства является, быть можетъ, весь сѣверъ Россіи, отъ Москвы до Мезени и отъ Камы и притоковъ Тобола—до Бѣлоозера, но къ тому времени, когда начался натискъ русскаго народа на сѣверо-восточныя области Европы, средоточіемъ зырянства явились Чердынская область и верховья Вычегды (Емдынъ—теперешній Устьвымъ Вологодской губ.). Въ этихъ областяхъ зыряне испытали и духовное воздѣйствіе слагавшейся русской культуры (св. Стефанъ Пермскій) и натискъ государственной мощи московскаго государства (при Іоаннѣ III). Въ итогѣ того и другого, какъ выражается названный изслѣдователь: „очагъ пермскаго племени сталъ русскимъ“—приблизительно къ тому самому времени, когда начался описанный мною выше процессъ русской колонизаціи въ нижней и средней Печорѣ. Тогда то и начинается движеніе зырянъ къ сѣверу въ область Печоры, навстрѣчу такому же движенію русскихъ съ запада. Историческіе памятники связываютъ движеніе зырянъ на сѣверъ съ опредѣленными моментами русской колонизаціи: такъ, при Іоаннѣ Грозномъ зыряне переселяются на рѣку Ижму по зову того самаго новгородца Ластки, о которомъ шла рѣчь выше. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ далъ имъ и грамоту на владѣніе областью Ижмы. Въ дальнѣйшей исторіи заселенія Печорскаго края зырянскій племенной элементъ сыгралъ не меньшую, а быть можетъ, и значительно большую роль, чѣмъ русскій. Объ этомъ свидѣтельствуетъ не только большой численный перевѣсъ его въ современномъ составѣ населенія области, но и еще болѣе существенныя историческія доказательства. Я приводилъ выше историческое свидѣтельство, говорящее объ энергіи, съ которой это племя еще при Іоаннѣ Грозномъ начало борьбу за экономическое господство въ краѣ: борьба эта, направившаяся противъ наиболѣе слабаго экономически элемента мѣстнаго населенія, самоѣдовъ, уже въ тѣ времена потребовала вмѣшательства центральной власти, постановившей, что „Печоряне и *Пермяки* въ ихъ (самоѣдовъ) рыбныя ловли и звѣриные угожаи не вступаются“. Современное положеніе зырянъ въ краѣ достаточно характеризуется г. Мартыновымъ: въ главныхъ зырянскихъ селахъ Ижемскаго края, по его словамъ, [2]) сосредоточены почти всѣ капиталы Печорскаго края и почти вся его про-

[1]) „Труды экспедиціи по изслѣдованію Печорскаго края Вологодской губерніи“, глава I.

[2]) „Печорскій край“, ч. 2-я, стр. 16.

мышленность, торговля и оленеводство. „Ижемецъ“ для Печоры почти синонимъ капиталиста.

Историческіе успѣхи зырянъ объясняются, несомнѣнно, ихъ одаренностью, проявляющейся, между прочимъ, въ способности къ быстрому усвоенію русской культуры въ тѣхъ случаяхъ, когда для этого есть благопріятныя условія. Въ противоположность крайне отрицательному взгляду на печорскихъ зырянъ, господствовавшему еще недавно (см., напримѣръ, „Обозрѣніе Печорскаго края“, б. Архангельскаго губернатора кн. Н. Д. Голицына)—и нерѣдкому даже въ настоящее время, нужно думать, что племя бездарное, если зыряне были таковымъ, не выдержало бы съ такимъ успѣхомъ конкурса исторіи. Существуетъ прямое свидѣтельство одного изъ изслѣдователей Печорскаго края о выдающихся колонизаторскихъ задаткахъ Печорскаго зырянина.[1]) Съ этимъ положеніемъ и съ культурно-экономическими задатками зырянъ нельзя не считаться положительнымъ образомъ при постановкѣ задачи раціональной колонизаціи края. Было бы легкомысліемъ хвататься за „радикальныя“ рѣшенія вопроса, подобныя раздающимся иногда въ прессѣ призывамъ къ искорененію или, въ лучшемъ случаѣ, къ выселенію самовольныхъ колонистовъ края,[2]) среди которыхъ зыряне занимаютъ видное мѣсто. Это была бы политика борьбы съ тѣми элементами населенія, которые болѣе другихъ приспособлены къ выполненію задачи колонизаціи, притомъ элементами, легко поддающимися обрусѣнію.

Постоянными антагонистами зырянъ являются самоѣды. Главная арена борьбы—обладаніе тундрами, какъ областью оленеводства. Начиная съ временъ Іоанна Грознаго и по сіе время, на протяженіи столѣтій идетъ эта борьба, въ которой, несмотря на традиціонное покровительство самоѣдамъ со стороны власти, побѣдителемъ остается почти всегда „ижемецъ“, а самоѣды постепенно уступаютъ ему свое историческое положеніе. Въ нѣсколько субъективныхъ краскахъ кн. Н. Д. Голицынъ такъ описываетъ взаимоотношенія зырянъ и самоѣдовъ: „до тѣхъ поръ, пока зыряне не показывались въ тундры, самоѣды вели болѣе нравственный образъ жизни, а въ настоящее время все болѣе и болѣе привыкаютъ къ пьянству и другимъ порокамъ... Зыряне умышленно пріучали самоѣдовъ къ пьянству и обращали ихъ изъ зажиточныхъ оленеводовъ въ ничего неимѣющихъ пастуховъ своихъ собственныхъ стадъ и работниковъ“[3]). Вопросъ о подобныхъ формахъ экономической борьбы есть вопросъ полиціи и

---

[1]) Н. Н. Мамадышскій. Краткій предварительный отчетъ по экспедиціи 1909 года.

[2]) Арх. Губ. Вѣдом., 1908 г., № 160.

[3]) Кн. Н. Д. Голицынъ. „Обозрѣніе Печорскаго края“, стр. 21.

суда. Что же касается экономической политики государства, то, очевидно, на ея первомъ планѣ нужно поставить задачу урегулированія пользованія тундрами и разграниченія въ этой области интересовъ различныхъ группъ населенія, главнымъ образомъ двухъ названныхъ, а именно зырянъ и самоѣдовъ. Эта задача, стоящая и нынѣ на очереди, тѣсно соприкасается съ общимъ вопросомъ о колонизаціи Печорскаго края.

Описывая первые шаги колонизаціи на Печорѣ, я указалъ, что наиболѣе энергичный притокъ туда русскаго элемента относится къ 16 и 17 столѣтіямъ. Въ позднѣйшее время этотъ притокъ, повидимому, совсѣмъ изсякаетъ. Подробныя изслѣдованія экспедиціи 1903 года приводятъ ее къ такому именно заключенію: собранныя ею данныя о возникновеніи отдѣльныхъ поселеній показываютъ, что эпоха 18 и 19 вѣка характеризуется *разселеніемъ* по области избытка того населенія, которое, осѣвши въ краѣ въ болѣе раннюю эпоху, потомъ естественно размножилось. Этотъ процессъ внутренней колонизаціи края, являясь прямымъ продолженіемъ первоначальнаго *заселенія*, продолжается еще и теперь на нашихъ глазахъ съ неуклонною силой естественнаго процесса, несмотря на измѣнившуюся во многомъ историческую обстановку. Именно потому, что упомянутый процессъ представляется въ извѣстной мѣрѣ современнымъ намъ, онъ заслуживаетъ серьезнаго вниманія къ своимъ поучительнымъ особенностямъ.

Къ чему сводится основная причина непрерывности процесса этого разселенія? „Первые засельщики края (рѣчь идетъ объ устьцилемскомъ районѣ) остановили свой выборъ потому, что нашли здѣсь вольный и богатый промыселъ“, „но еще первые поселенцы не могли удовлетвориться продуктами промысловъ и *завели землепашество*“[1]). Эта цитата даетъ намъ въ высшей степени любопытное указаніе на весь характеръ естественной колонизаціи края. Прослѣдивъ съ надлежащей внимательностью детали картины, нарисованной экспедиціей 1903 года, мы съ неизмѣнностью находимъ почти всюду одинъ и тотъ же мотивъ разселенія—интересы земледѣлія, а чаще всего луговодства, и только на второмъ планѣ интересы рыболовства. „Выселились изъ-за тѣсноты: скотъ пускать негдѣ, пашни мало, на пожни ѣздить далеко, рыбные промыслы требовали дальнѣйшихъ отлучекъ“. „Имѣлъ много дѣтей, хотѣлъ расширить скотоводство“. „Раньше поселенія... перемѣнили нѣсколько мѣстъ, разыскивая удобныхъ пастбищъ и сѣнокосовъ для скота“. „Расчитывали на новомъ мѣстѣ имѣть хорошую пашню и покосъ“,—вотъ какими соображеніями пестритъ отчетъ экспедиціи относительно причинъ образованія новыхъ поселковъ. Разумѣется, подобные мотивы домини-

[1]) „Печорскій край“, ч. 1-я, стр. 196.

руютъ въ болѣе южной части области, къ сѣверу же чаще встрѣчаются ссылки на удобныя условія рыболовства. Отмѣченное мною явленіе даетъ право, по крайней мѣрѣ, на одинъ выводъ: нельзя принимать за чистую монету нерѣдкія утвержденія „знатоковъ“ Печорскаго края, будто въ хозяйствѣ Печорскаго жителя земледѣліе и луговодство не имѣетъ серьезнаго значенія, что печорскій крестьянинъ въ такой мѣрѣ „сытъ“ результатами промысловъ, что ему „лѣнь“ заниматься землей. Тщательное изученіе быта печорскаго крестьянина, произведенное экспедиціей 1903 года, напротивъ, говоритъ, что земледѣліе и скотоводство занимаютъ въ этомъ быту, хотя и не исключительную, однако весьма крупную роль, настолько крупную, что процессъ заселенія края, совершавшійся въ теченіе 2—3 послѣднихъ столѣтій, можно охарактеризовать, какъ колонизацію по преимуществу—сельскохозяйственную.

Главныя основанія для выбора мѣста новому поселку—удобныя пожни, т. е. сѣнокосы. Ихъ находятъ по берегамъ рѣкъ и островамъ, и тутъ то на берегу и изрѣдка на островѣ и устраиваются новосельемъ. Въ этомъ одна изъ главныхъ причинъ, что разселеніе совершается неизмѣнно по ходу рѣчныхъ руслъ. Другая причина того же представляется общимъ условіемъ всего первоначальнаго заселенія русскаго сѣвера, она сводится къ отсутствію иныхъ путей сообщенія, кромѣ рѣкъ. По тѣмъ или инымъ причинамъ, но жителю Печорскаго края *приходится* ютиться возлѣ рѣкъ. Что не свободный выборъ среди богатыхъ даровъ дѣвственной природы руководитъ экономической дѣятельностью печорца, а подчасъ весьма тяжелая необходимость *борьбы* съ суровой дѣйствительностью,—о томъ гласитъ вся исторія заселенія края. Мы постоянно встрѣчаемъ въ ней указанія на „тѣсноту“ земельную, какъ на причину, заставляющую выселяться. Мы видимъ тутъ же, какъ иной поселенецъ долго блуждаетъ по разнымъ мѣстамъ, изгоняемый огромными разливами рѣки, прежде чѣмъ найдетъ небольшой клочекъ сухой земли, на которомъ почувствуетъ себя въ безопасности отъ наводненія. Разрастатся новый поселокъ въ 2—3 десятка дворовъ—и ужъ опять чувствуется „тѣснота“, опять начинаются поиски свободныхъ поженъ и возможности поставить возлѣ нихъ свою избу, поиски настолько нелегкіе, что сплошь и рядомъ печорецъ вынужденъ мириться съ „тѣснотой“ и даже съ передѣломъ своей земли между односельчанами, прижатыми той же тѣснотой.

Современныя условія заселенія.

Измѣнившуюся историческую обстановку не приходится отнести къ числу благопріятныхъ условій для развитія колонизаціи Печорскаго края. При Іоаннѣ Грозномъ государственная власть, какъ мы видѣли, не только допускала, но и покровительствовала переселенію изъ внутреннихъ областей Россіи на Печору, хотя вмѣстѣ съ этимъ бережно относилась къ интересамъ

мѣстнаго населенія, освященнымъ „стариной“ (см. выше о самоѣдахъ). Въ современныхъ государственныхъ условіяхъ немыслимо продолжительное и широкое развитіе такого процесса, какъ колонизаціонный, внѣ опредѣленныхъ рамокъ государственной регламентаціи. Но оберегая свое право регламентаціи и принципіально отрицая въ данномъ случаѣ все, что идетъ русломъ самоволія, государственная власть по тѣмъ или инымъ причинамъ не могла до послѣдняго времени проявить силу собственнаго положительнаго творчества въ разсматриваемой нами отрасли экономической жизни сѣвера. Получилось при такихъ условіяхъ, въ дѣлѣ заселенія сѣвера, въ частности Печорскаго края, почти пустое мѣсто: съ одной стороны, отсутствіе юридическихъ формъ, которыя давали-бы готовое ложе широкому естественному ходу жизни, съ другой стороны, совершенное отсутствіе положительнаго воздѣйствія государства въ направленіи развитія процесса колонизаціи, которое могло бы способствовать самобытному экономическому творчеству. Отпрыски исторической колонизаціонной волны, докатившіеся и до нашихъ дней, въ видѣ продолжающагося понынѣ разселенія мѣстнаго крестьянства, встрѣчаютъ уже не покровительство, а значительныя формальныя препятствія, отмѣченныя почти всѣми изслѣдователями края. Современное юридическое положеніе таково. Вся земля Печорскаго края, подобно остальной губерніи, представляетъ собственность государства и находится въ вѣдѣніи того вѣдомства, мѣстныя функціи котораго по преимуществу носятъ лѣсохозяйственный характеръ. Въ „пользованіи“ наличнаго крестьянскаго населенія „оставлены“ тѣ земли и угодья, которыя состояли въ ихъ пользованіи до 24 ноября 1866 года. Занятіе землей внѣ предѣловъ фактическаго пользованія 1866 года допускается лишь съ особаго разрѣшенія представителей вѣдомства Государственныхъ Имуществъ. Подобное разрѣшеніе возможно въ двухъ формахъ: или въ видѣ разрѣшенія расчистокъ казенной земли, которое можетъ получить мѣстный крестьянинъ для увеличенія своего наличнаго землепользованія, или въ видѣ разрѣшенія переселиться на другое мѣсто, но не иначе какъ въ предѣлахъ Архангельской губерніи. И то, и другое разрѣшеніе было доступно до послѣдняго времени мѣстному крестьянину лишь съ большимъ трудомъ. Чтобы представить себѣ дѣйствительныя условія, въ которыя сравнительно недавно еще было поставлено полученіе даже разрѣшеній на расчистки, достаточно привести компетентное свидѣтельство бывшаго члена отъ правительства въ Архангельскомъ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи А. Е. Таратина [1]). „Казалось бы“, писалъ онъ въ 1902 году: „при такомъ широкомъ

[1]) Труды мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Архангельская губернія. 1903 г. Стр. 89—104.

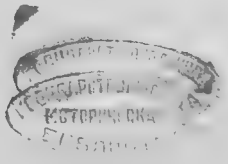
правѣ, на обращеніе лѣсныхъ пространствъ и другихъ неудобныхъ мѣстъ въ угодья крестьяне могли бы разработать массу пахотныхъ и сѣнокосныхъ земель; но на дѣлѣ оказывается, что количество вновь разработанныхъ земель весьма значительно... Причины, тормозящія увеличеніе у крестьянъ количества пахотныхъ и сѣнокосныхъ земель относятся не къ недостатку удобныхъ для того мѣстъ въ лѣсныхъ дачахъ, а къ затруднительности исполнять самыя правила о разрѣшеніи расчистокъ... При ревизіи въ августѣ 1899 г. волостей Мезенскаго уѣзда мною обнаружено, что *въ 6 волостяхъ, начиная съ 1894 года, не осмотрѣно старшинами 503 участка, избранныхъ крестьянами для расчистки.* Медленность въ осмотрѣ участковъ старшины прямо объясняютъ физической невозможностью исполнять возложенныя на нихъ въ этомъ отношеніи обязанности, разбросанностью въ лѣсу и громадностью разстояній участковъ отъ волости иногда до 100 верстъ". Причины слабаго роста культурнаго земельнаго фонда у крестьянъ Архангельской губерніи, по моему мнѣнію, весьма многообразны и, конечно, не исчерпываются формальными затрудненіями того рода, о которомъ говоритъ Таратинъ, тѣмъ не менѣе подчеркиваю приведенное свидѣтельство его, интересное въ другомъ отношеніи: какъ прямое удостовѣреніе, что въ рамкахъ современной регламентаціи земельнаго вопроса въ Архангельской губерніи мало мѣста для колонизаціи края даже въ узкомъ смыслѣ расширенія землепользованія наличнаго мѣстнаго населенія. Печорскій крестьянинъ, несмотря на это, по мѣрѣ силъ движется и теперь впередъ, зачастую не справляясь съ разрѣшеніями, но дѣлаетъ это съ большой опаской, ибо то, что онъ дѣлаетъ, во многихъ случаяхъ является прямымъ нарушеніемъ закона. До поры его самоволіе терпится, но онъ понимаетъ, что во всякое время его могутъ выдворить съ избранныхъ имъ мѣстъ, и это сознаніе не можетъ не отражаться угнетающимъ образомъ на его экономической энергіи. Насколько нетерпимъ съ точки зрѣнія современнаго государственнаго правопорядка такой порядокъ самовольной колонизаціи, до сихъ поръ наблюдающійся на Печорѣ, какъ слабый отголосокъ иной исторической стадіи государственнаго быта, въ томъ можетъ послужить лучшимъ авторитетомъ одинъ изъ анонимныхъ авторовъ, высказывавшійся по вопросу о колонизаціи Печорскаго края на страницахъ Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостей (см. № 160 за 1908 г.). Это горячій адептъ идеи колонизаціи, но посмотрите въ какихъ энергичныхъ выраженіяхъ приглашаетъ онъ Управленіе Государственныхъ Имуществъ „интенсивно побороться съ этимъ элементомъ", разумѣя подъ этимъ элементомъ „всѣхъ незаконныхъ и quasi-законныхъ владѣльцевъ расчистокъ въ бассейнѣ Печоры". По мнѣнію названнаго автора, „едва ли дѣло обойдется безъ принудительнаго отчужденія (отобранія) расчи-

стокъ въ порядкѣ чрезвычайнаго указа". Вотъ вамъ основная черта психологіи современнаго колонизатора, ярко рисующая формы идеи колонизаціи въ наше время. На страницахъ того же органа можно найти немало убѣдительныхъ доказательствъ въ пользу настоятельной необходимости „открытія" земель губерніи для *свободнаго* заселенія. Откуда же, спросите вы, такое отношеніе *къ начальнымъ свободнымъ* поселенцамъ. Наличные поселенцы не получили ни отъ кого *разрѣшенія* на свое свободное поселеніе,—въ этомъ и заключается ихъ вина. Если не вина, то большая бѣда ихъ въ томъ, что современное государство не можетъ допустить,—какъ я уже сказалъ выше,—стихійнаго господства экономическихъ процессовъ, въ тѣхъ, по крайней мѣрѣ, областяхъ жизни, гдѣ затрагиваются этими процессами интересы государственнаго цѣлаго, и оставить ихъ безъ разумной регламентаціи. Но отсюда неизбѣженъ дальнѣйшій выводъ, что вообще въ современныхъ государственныхъ условіяхъ немыслимо „открытіе" какого бы то ни было государственнаго фонда для „свободнаго" захвата его охочими людьми. Если нашему сознанію претитъ таковая „свобода" со стороны печорскихъ зырянъ, то въ неменьшей степени она будетъ вызывать осужденіе на сторонѣ всякаго другого колониста, поскольку его свобода дѣйствія разойдется съ насущными интересами государства.

Итакъ, мы видимъ, что современное положеніе процесса колонизаціи Печорскаго края близко къ полному отсутствію основныхъ элементовъ того, что въ правѣ были бы мы назвать подобнымъ именемъ, если же въ реальныхъ рамкахъ дѣйствительности еще продолжается колонизаціонное движеніе извѣстнаго рода, то оно принципіально отрицается и закономъ и, въ извѣстной мѣрѣ, общественнымъ сознаніемъ.—

Вопросъ о колонизаціи края въ современныхъ предположеніяхъ правительства и литературы.

При описанномъ положеніи дѣла не приходится удивляться, что когда нѣсколько лѣтъ назадъ въ періодической прессѣ поднятъ былъ вопросъ о колонизаціи Печорскаго края, то исходной точкой обсужденія сдѣлалось не положеніе наличнаго населенія края, не его колонизаціонный опытъ, а исключительно „потенціалы" естественныхъ условій края, сулившіе совсѣмъ новыя колонизаціонныя перспективы. Опытъ старожиловъ края и ихъ интересы вызывали къ себѣ въ лучшемъ случаѣ пренебреженіе. Край разсматривался какъ „пристоличная пустыня", которую приходится заново заселить элементами, привлеченными изъ внутренней Россіи, имѣющими дать небывалый по силѣ толчекъ развитію таящихся въ нѣдрахъ края исключительно благопріятныхъ задатковъ природы, доселѣ остающихся неиспользованными, главнымъ образомъ, благодаря культурной отсталости и даже „лѣни" мѣстнаго населенія.



Литературную исторію вопроса принято связывать съ появленіемъ въ свѣтъ статей А. С. Нормана, которыя, по мнѣнію такого убѣжденнаго защитника идеи колонизаціи Печорскаго края, какъ А. В. Журавскій, нужно разсматривать какъ „катехизисъ этой идеи". Въ приведенной оцѣнкѣ значенія статей г. Нормана есть существенная неточность въ отношеніи интересующаго насъ Печорскаго края. Норманъ въ 1898 г. писалъ слѣдующее: „по относительной мягкости климата и равнинному расположенію, наиболѣе пригодна вся средняя часть губерніи, именно уѣзды: Архангельскій, Холмогорскій, Шенкурскій, Пинежскій и, частью, Онежскій, Кемскій и Мезенскій",[1])—въ этомъ перечнѣ, какъ мы видимъ, совсѣмъ выпущенъ Печорскій уѣздъ и пропускъ этотъ не случайность, такъ какъ въ то время названный авторъ, стараясь разсѣять предразсудокъ о климатѣ Архангельской губерніи, какъ о крайне суровомъ, тѣмъ не менѣе оговаривался, что „восточная часть губерніи и въ особенности с.-восточный уголъ Запечорскаго края дѣйствительно обладаютъ очень суровымъ климатомъ"[2]). При такомъ взглядѣ г. Норманъ, конечно, меньше всего разсчитывалъ въ то время на колонизацію Печорскаго края, въ чемъ можетъ убѣдиться всякій, познакомившись съ цитированною статьею. Нѣчто совсѣмъ другое писалъ тотъ же авторъ въ предисловіи къ новому изданію той же статьи, написанномъ въ 1909 г. Въ это время онъ уже находитъ, что *неожиданное* открытіе поразительной *аномаліи* Печорскаго климата окончательно устанавливаетъ заселимость Печорскаго края, даже больше того: выясненіе заселимости Печорскаго края, въ ея современной постановкѣ, гораздо правильнѣе связать съ тѣмъ „неожиданнымъ открытіемъ поразительной аномаліи Печорскаго климата", о которой пишетъ г. Норманъ въ 1909 г. и подъ которой онъ разумѣетъ наблюденія г. Журавскаго надъ особенностями климата и вегетативныхъ эфектовъ свѣта въ приполярныхъ широтахъ Печорскаго края: истиннымъ творцомъ названной идеи является именно А. В. Журавскій.

Возникновеніе разсматриваемой нами идеи въ литературѣ послѣднихъ лѣтъ стоитъ въ непосредственной и исключительной связи съ подмѣченнымъ г. Журавскимъ благопріятнымъ явленіемъ сѣвернаго свѣта на ростъ растеній, наглядное подтвержденіе которому онъ нашелъ, между прочимъ, въ богатомъ развитіи, при благопріятныхъ условіяхъ, естественнаго травяного покрова почвы и пышномъ ростѣ огородныхъ овощей и другихъ культурныхъ растеній. Параллельно этому выдвинуто было утвержденіе о легкости меліораціи печорскихъ тундръ, которыя, по его словамъ, по удаленіи мохового покрова, не требующемъ

---

[1]) А. С. Норманъ. „Почему необходимо заселеніе Архангельской губерніи?", стр. 42.

[2]) Тамъ-же, стр. 8.

особаго труда, быстро превращаются въ прекрасные луга. Отсюда и былъ сдѣланъ быстрый переходъ къ практическому выводу о возможности быстрой и успѣшной массовой колонизаціи Печорскаго края. Эта идея, несмотря на ея юный возрастъ, скоро завоевала себѣ не только общественное, но и правительственное вниманіе, чѣмъ она обязана несомнѣнной выдающейся энергіи и агитаторскому таланту своего автора.

Въ концѣ 1908 г. г. Журавскій въ особой запискѣ, представленной въ Главное Управленіе Землеустройства и Земледѣлія, возбудилъ вопросъ о желательности скорѣйшаго снаряженія особой экспедиціи для изслѣдованія колонизаціонной пригодности Приполярной Россіи и, въ частности, Печорскаго края Архангельской губерніи. Запискѣ этой былъ данъ энергичный ходъ, и экспедиція въ 1909 г. уже получила осуществленіе, причемъ г. Главноуправляющій Землеустройствомъ и Земледѣліемъ указалъ Архангельскому губернатору въ письмѣ своемъ отъ 1 Мая 1909 года, что „главнѣйшею цѣлью всей дѣятельности Печорской экспедиціи должно служить практическое разрѣшеніе вопроса о колонизаціи Печорскаго края, и что поэтому задачей экспедиціи должно быть изслѣдованіе колонизаціонной пригодности края въ цѣляхъ его заселенія и созданія тамъ земледѣльческой культуры“. Сообразно съ этимъ разработана была программа экспедиціи въ особомъ совѣщаніи, при личномъ участіи г. Журавскаго, подъ предводительствомъ котораго эта экспедиція и работала лѣтомъ 1909 года.

Матеріалы экспедиціи въ цѣломъ еще не опубликованы, но въ „краткомъ предварительномъ отчетѣ“ о ней, представленномъ Архангельскому губернатору, г. Журавскій резюмируетъ результаты ея работъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „работы и матеріалы экспедиціи 1909 года, по моему убѣжденію, достаточны для установленія колонизаціонной пригодности земельнаго фонда изслѣдованной части Печорскаго уѣзда—въ особенности въ отношеніи скотоводческаго хозяйства и въ отношеніи элементарныхъ огородныхъ культуръ, но и въ отношеніи культуръ ячменя и озимой ржи—изъ зерновыхъ и льна и конопли—изъ прядильныхъ растеній“. „Соотвѣтственно этимъ положеніямъ, дальнѣйшее доказательство общей пригодности туземныхъ земель съ точки зрѣнія почвенныхъ, ботаническихъ и орографическихъ условій *я считаю излишнимъ*“. Послѣдній выводъ г. Журавскій ставитъ въ зависимость отъ того, что „широкая колонизація края, принципіально возможная, фактически невозможна при наличныхъ путяхъ и средствахъ сообщенія“.

Такимъ образомъ, вопросъ о колонизаціи Печорскаго края, имѣющій, по мнѣнію одного изъ горячихъ сторонниковъ ея, особенно выдающееся значеніе, быстро принявшій, благодаря

энергіи другого не менѣе убѣжденнаго его сторонника, практическую форму конкретной государственной задачи,—такъ же быстро возвратился теперь въ плоскость „принципіально возможнаго, но практически неосуществимаго"—при современныхъ общихъ условіяхъ экономической дѣйствительности Печорскаго края. Эту именно особенность переживаемой стадіи развитія вопроса имѣлъ я въ виду, когда въ началѣ очерка сказалъ, что вопросъ о колонизаціи Печоры претерпѣваетъ нынѣ нѣкоторый кризисъ. Потому именно я и счелъ себя въ правѣ подвести возможные итоги пережитой разработки даннаго вопроса, что самъ авторъ идеи подвелъ ей итоговую черту въ вышеприведенномъ резюме своихъ работъ.

Перехожу къ разсмотрѣнію основныхъ элементовъ вопроса о колонизаціи Печорскаго края,—повторяю вопроса въ его современной постановкѣ,—и тѣхъ отвѣтовъ, которые приходится въ настоящее время дать на вопросъ этотъ въ цѣломъ и въ частностяхъ,—на основаніи накопившагося за нѣсколько послѣднихъ лѣтъ матеріала.

Основная задача колонизаціи. Всякая практическая задача требуетъ, съ одной стороны, яснаго представленія о цѣли, съ другой, возможно болѣе полнаго отчета объ условіяхъ достижимости этой цѣли. Какая цѣль ставилась до сихъ поръ колонизаціи Печорскаго края? А. В. Журавскій въ особой статьѣ своей, посвященной этой темѣ, поставилъ колонизацію края въ связь съ разрѣшеніемъ общегосударственнаго аграрнаго и финансоваго кризиса. Въ такой постановкѣ существо задачи сводится главнымъ образомъ къ тому, чтобы возможно шире и интенсивнѣе использовать сельскохозяйственные „потенціалы" края путемъ заселенія его земледѣльческимъ населеніемъ внутренней Россіи. Основнымъ условіемъ достижимости такой цѣли представляется наличность земельнаго фонда, пригоднаго для сельско-хозяйственной культуры, и извѣстный минимумъ внѣшнихъ условій, дѣлающій экономически возможнымъ сельско-хозяйственное использованіе фонда. Примѣнительно къ указанной мною постановкѣ задачи намѣчены были ближайшія цѣли экспедиціи 1909 г., въ этомъ направленіи велись всѣ работы, среди которыхъ значительное мѣсто отводилось сельско-хозяйственнымъ опытамъ и т. п. На первый взглядъ кажется даже, что иной постановки вопроса и быть не можетъ: занятіе обширной территоріи подъ массовое заселеніе мыслимо лишь въ прямой связи съ использованіемъ ея земельнаго фонда для сельско-хозяйственнаго промысла. Но это только на первый взглядъ. Надо помнить, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о заселеніи края, сельско-хозяйственная пригодность коего даже для наиболѣе горячихъ сторонниковъ его колонизаціи представляется съ вопросительнымъ знакомъ. Мы видѣли, напримѣръ, какъ остороженъ на этотъ счетъ г. Норманъ. Еще осторожнѣе,

пожалуй, приходится быть г. Журавскому, который въ предварительномъ отчетѣ своемъ по экспедиціи 1909 года признаетъ, что произведенныхъ за этотъ годъ сельско-хозяйственныхъ опытовъ „совершенно недостаточно для выясненія пригодности условій такой обширной территоріи". Пока остается невыясненнымъ основное условіе сельско-хозяйственной колонизаціи—необходимыя природныя данныя территоріи, до тѣхъ поръ было бы логично пріостановиться съ рѣшеніемъ всей задачи. Это, очевидно, сознается защитниками немедленнаго практическаго осуществленія колонизаціи. И потому имъ приходится искать защиты своего взгляда совсѣмъ въ иной области, чуждой задачамъ сельскаго хозяйства. По мнѣнію г. Нормана, „выясненіе заселимости Печорскаго края въ настоящій моментъ получаетъ *особенно выдающееся значеніе* (курсивъ автора), такъ какъ край этотъ соприкасается съ одной стороны съ минеральными богатствами Сѣвернаго Урала, а съ другой—съ мѣсторожденіями Ухтинской нефти, *разработка коихъ безъ наличности мѣстнаго населенія была бы очень затруднительна*" (курсивъ мой). Въ подобной формулировкѣ суть вопроса видоизмѣняется: колонизація представляется необходимой уже для того, чтобы обезпечить рабочими руками будущее горнопромышленное производство Сѣвернаго Урала и нефтяное производство Ухты.

Чтобы оцѣнить шаткость послѣдняго аргумента въ пользу необходимости заселенія края въ большомъ масштабѣ, не нужно даже указывать, что богатства Ухты или Сѣвернаго Урала находятся еще въ періодѣ изученія, что послѣднее слово изученія, необходимое для рѣшенія вопроса объ *экономической цѣнности* ихъ богатствъ, еще никѣмъ не сказано. Дѣло даже не въ этомъ, а въ томъ, что нельзя ставить цѣлью массовой колонизаціи обширнаго края, раскинувшагося на сотни верстъ,—обезпеченіе рабочими руками будущаго заводскаго района, занимающаго скромный уголокъ этого края.

Ставить такую цѣль колонизаціи Печоры было бы то же самое, что говорить о необходимости заселенія всего Кавказа и даже Астраханской губерніи, въ видахъ обезпеченія рабочими руками Бакинскаго нефтепромышленнаго района. Та и другая задача: задача территоріальной сельской колонизаціи и задача снабженія рабочими заводскихъ пунктовъ не могутъ ставиться параллельно. Можно, пожалуй, говорить въ такой связи о необходимости заселенія района сосѣдняго съ Ухтой, но при чемъ тутъ Печорскій край въ цѣломъ: развѣ съ Чердыни не легче попасть рабочему на Ухту, чѣмъ съ рѣки Уссы. Нельзя не видѣть кромѣ того, что нужда заводскаго производства и сельской колонизаціи въ значительной долѣ своей даже противоположны.

Исторія роста и упроченія фабричнозаводской промышленности характеризуется повсюду тѣмъ, что необходимый для

фабрики или завода контингентъ рабочей силы довольно быстро порываетъ съ своимъ прежнимъ сельскимъ земледѣльческимъ промысломъ и превращается въ чистокровный фабрично-заводскій пролетаріатъ, сосредоточивающійся большими массами въ пунктахъ производства и образующій здѣсь поселенія чисто городского типа. Стало быть, стремясь путемъ заселенія края развить одновременно сельское хозяйство и хотя бы ту же нефтяную промышленность, мы въ сущности будемъ преслѣдовать двѣ совершенно независимыя, а, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, другъ друга исключающія задачи. Эти задачи совершенно различны и съ точки зрѣнія необходимой для ихъ осуществленія дѣятельности государства. Все то, что представлялось до сихъ поръ столь важнымъ въ смыслѣ рѣшенія проблемы колонизаціи края, всѣ эти поиски земельнаго фонда, выясненіе условій сельскаго хозяйства, равно, какъ и вся будущая колонизаціонная работа, въ томъ видѣ, какъ она до сихъ поръ представлялась, работа, требующая большихъ средствъ и личныхъ силъ,—къ чему была бы вся она, если бы рѣчь шла о нуждахъ заводской промышленности края, представленной пока только Ухтинской „нефтепромышленностью".

Лишь только выяснятся благопріятныя условія для развитія этого производства, въ смыслѣ достаточнаго количества нефти и легкости доставки ея изъ нѣдръ земли на поверхность, лишь только будетъ данъ выходъ нефти на рынокъ, въ видѣ-ли желѣзной дороги, нефтепровода или какого либо другого пути,—какъ тотчасъ же разрѣшится естественнымъ путемъ и необходимый для нефтепромышленности вопросъ о заселеніи Ухтинскаго района. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что черезъ два—три года этотъ районъ станетъ неузнаваемъ, благодаря могучему притоку капитала, вмѣстѣ съ которымъ хлынетъ и людская волна. Примѣровъ тому не надо искать въ исторіи сказочно быстраго роста американскихъ промышленныхъ поселеній, потому что подобные примѣры можно найти и въ Россіи за послѣднюю четверть прошлаго столѣтія; даже архангельская лѣсопромышленность представитъ подобные примѣры, хотя и болѣе скромнаго масштаба.

Вопросъ о колонизаціи Печорскаго края важно очистить отъ случайныхъ примѣсей, чтобы устранить всякую неопредѣленность въ основной цѣли, ибо только при совершенно ясномъ представленіи цѣли можно вѣрно опредѣлить всѣ условія ея достижимости. Формулируя намѣченныя выше положенія, я полагаю, что *массовое заселеніе обширной территоріи Печорскаго края, какъ экономическое мѣропріятіе государства, мыслимо лишь въ исключительной связи съ сельско-хозяйственнымъ использованіемъ ея земельнаго фонда.*

Земельный фондъ края.

Такимъ образомъ, первымъ необходимымъ условіемъ для практическаго рѣшенія задачи колонизаціи является наличность извѣстнаго земельнаго фонда. Какъ же великъ земельный фондъ Печорскаго края, и что онъ изъ себя представляетъ? Само собой разумѣется, что на этотъ вопросъ не найти нигдѣ точнаго цифрового отвѣта, ибо не только кадастра не было въ Печорскомъ краѣ, но край этотъ еще не дождался *сплошного* статистическо-экономическаго обслѣдованія, хотя бы поверхностного. Имѣющіяся въ обращеніи круглыя цифры представляютъ собою продуктъ предположеній, которымъ не хватаетъ главнаго качества—прочности и достовѣрности ихъ посылокъ. Князь Н. Д. Голицынъ опредѣлялъ все пространство удобныхъ земель края, считая въ томъ числѣ лѣса, пахотныя и сѣнокосныя угодья,—въ 8,511,615 дес.[1]). Чтобы отъ этой цифры подойти хотя бы къ приблизительному опредѣленію размѣровъ земельнаго запаса, пригоднаго для сельско-хозяйственнаго пользованія, нужно было бы значительную долю ея скинуть прежде всего на счетъ земли, занятой цѣнными лѣсными насажденіями, уничтоженіе которыхъ было бы недопустимо съ точки зрѣнія разумнаго лѣсного хозяйства.

Г. Норманъ „рядомъ логическихъ соображеній, имѣющихъ много вѣроятій“, приходитъ къ выводу о пригодности для населенія и травосѣянія въ предѣлахъ всей Архангельской губерніи 15 милліоновъ десятинъ, т. е. приблизительно $^1/_5$ части территоріи губерніи[2]). Основанія его вычисленій таковы. Въ первую очередь земель, годныхъ для заселенія, онъ относитъ береговыя полосы лѣсныхъ рѣчекъ губерніи, шириною отъ обоихъ береговъ 1—3 версты; вспоминая, что „даже въ учебникахъ для сельскихъ школъ упомянуто, что въ каждомъ изъ уѣздовъ Архангельской губерніи есть до 100—150 и болѣе лѣсныхъ рѣчекъ, и прилагая къ этому числу крупный масштабъ Архангельской губерніи“,—авторъ „съ большимъ вѣроятіемъ“ разсчитываетъ на 5 милліоновъ десятинъ прибрежно луговыхъ земель.

Во вторую очередь колонизаціоннаго фонда онъ относитъ часть земель изъ подъ дровяныхъ лѣсовъ губерніи „въ количествѣ, напримѣръ, 20% общаго числа, изъ 27—28 милл. дес., что дастъ около 5 милліоновъ дес.“. „Общее же число“ дровяного лѣса г. Норманъ опредѣляетъ путемъ исключенія изъ 31 милліона десятинъ лѣсовъ, „числящихся за казной въ Архангельской губерніи“, 3—4 милліоновъ десятинъ цѣннаго строевого лѣса, установивъ эту послѣднюю цифру „опросомъ лѣсопромышленни-

---

[1]) Кн. Н. Д. Голицынъ. „Обозрѣніе Печорскаго края“.

[2]) Норманъ А. С. „Почему необходимо заселеніе Архангельской губерніи?“, стр. 61 и слѣд.

ковъ о ихъ заготовкахъ". Наконецъ, третью очередь земельнаго запаса, въ размѣрѣ также 5 милліоновъ, онъ выдѣляетъ изъ „10—15 милліоновъ десятинъ кустарниковыхъ тундръ, соприкасающихся съ областью дровяныхъ лѣсовъ и не вошедшихъ въ нихъ". Общее количество кустарниковыхъ тундръ устанавливается г. Норманомъ „по многимъ мѣстнымъ признакамъ", коихъ онъ не называетъ.

Не касаясь пока существа приведенныхъ вычисленій, я долженъ лишь отмѣтить, что, руководствуясь масштабами г. Нормана, нужно было бы опредѣлить количество годныхъ для колонизаціи земель собственно Печорскаго края никакъ не болѣе 5 милліоновъ, если даже забыть о томъ, что этотъ край даетъ наименѣе выгодное соотношеніе между пространствами тундръ, съ одной стороны, и лѣсовъ, съ другой.

Расчетъ г. Нормана не вполнѣ удовлетворяетъ А. Ж—вскаго, писавшаго по данному вопросу въ Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ. Мнѣніе г. А. Ж—вскаго потому цѣнно для насъ, что его статьи въ названной газетѣ служили „дополняющимъ матеріаломъ" для изслѣдованія А. В. Журавскаго.[1]) Признавая, что „во всестороннемъ доказательствѣ" существованія въ Архангельской губерніи 15 милліоновъ десятинъ пригодныхъ земель-великая заслуга г. Нормана, упомянутый авторъ вноситъ дальнѣйшую поправку въ вычисленія Нормана, основываясь на „данныхъ послѣднихъ лѣтъ, особенно же 1905, 1906, 1907 и 1908 годовъ". „Исправленныя" выкладки г. А. Ж—вскаго относятся ближайшимъ образомъ именно къ Печорскому уѣзду. Печора и главные ея притоки въ предѣлахъ уѣзда даютъ, по его вычисленіямъ, однѣхъ „береговыхъ земель" по линіи до 8000 верстъ (считая оба берега). Допустимъ, продолжаетъ онъ, что по культивировкѣ подъ поля и, главнымъ образомъ, луга, поддадутся прибрежныя зоны рѣкъ только на 500 саж. вглубь отъ береговъ рѣки. Даже въ этомъ случаѣ получимъ „пригодную" площадь, въ предѣлахъ уѣзда, въ 8000 кв. верстъ или около $8^1/_2$ *милліоновъ десятинъ*. Стало быть, заключаетъ авторъ: „одинъ только Печорскій уѣздъ дастъ minimum 10 милліоновъ десятинъ, а долженъ дать и можетъ дать до 15 милліоновъ".[2]) Приходится согласиться съ авторомъ, что его „данныя послѣднихъ лѣтъ" на самомъ дѣлѣ „*позволяютъ* значительно расширить площадь пригодныхъ земель,—*удвоить* ее" (почему не утроить?).

Въ этой цѣпи очень убѣдительныхъ „доказательствъ" есть только одно слабое звено: 8000 квадратныхъ верстъ составляютъ не $8^1/_2$ *милліоновъ* десятинъ, а всего лишь 832 *тысячи* десятинъ.

---

[1]) А. В. Ж—вскій. „Результаты изслѣдованія приполярнаго Запечорья".
[2]) А. Ж—вскій. Арх. Губ. Вѣд. № 9 за 1909 г.

Авторъ полагаетъ почему-то, что „данныя послѣднихъ лѣтъ“ дали ему право злоупотреблять грубыми ариѳметическими ошибками.

Таковы пріемы, при помощи которыхъ приходится опредѣлять колонизаціонную емкость края, и отвѣтственность за нихъ лежитъ не столько на совѣсти авторовъ, сколько на вопіющемъ отсутствіи какихъ-либо точныхъ данныхъ по этому вопросу. Критиковать подобныя доказательства по существу значило бы ломиться въ открытую дверь. Но разобраться въ системѣ излюбленныхъ доказательствъ обширности нашего сѣвернаго земельнаго фонда все-таки необходимо, чтобы, хотя приблизительно, намѣтить предѣлы возможнаго въ царствѣ неограниченной вѣры поклонниковъ идеи колонизаціи Печорскаго края.

Въ вышеприведенныхъ соображеніяхъ Ж—вскаго авторъ находитъ возможнымъ *допустить*, что прибрежныя зоны печорскихъ рѣкъ поддадутся сельскохозяйственной культурѣ на 500 саж. вглубь, считая оба берега. Нельзя не отмѣтить, что этотъ критерій, несмотря на нескромность окончательнаго вывода автора, самъ по себѣ, по крайней мѣрѣ, вчетверо скромнѣе, чѣмъ соотвѣтствующій критерій г. Нормана, ибо послѣдній считаетъ, что легко доступныя для колонизаціи береговыя полосы рѣчекъ губерніи достигаютъ ширины береговъ въ 1—3 версты. Надо думать, что у г. Ж—вскаго были свои „логическія соображенія, имѣющія много вѣроятія“. Но помимо подобныхъ соображеній можно привести цѣлый рядъ и наблюденій и положительныхъ фактовъ, говорящихъ за то, что мѣрка Ж—вскаго не слишкомъ грѣшитъ противъ истины. Экспедиція 1909 года, руководимая г. Журавскимъ, поставила себѣ задачу подробно изслѣдовать тѣ мѣста Печорскаго края, гдѣ, по указаніямъ г. Журавскаго, имѣются *наиболѣе* богатые запасы пригодныхъ для колонизаціи земель, а именно, бассейнъ притоковъ Уссы: Большой и Малой Сыни, Косьи, Адзьвы и другихъ. Про Большую Сыню г. Журавскій въ свое время докладывалъ въ Географическомъ Обществѣ, [1]) что это замѣчательная рѣка, между прочимъ, по своимъ *колоссальнымъ площадямъ*, занятымъ идеальнѣйшими естественными лугами. Мы въ правѣ, слѣдовательно, разсматривать результаты изслѣдованій экспедиціи 1909 г., какъ образцы *максимальнаго* развитія пригоднаго для колонизаціи печорскаго земельнаго фонда. Каковы же эти максимумы? Отрядъ экспедиціи, направившійся по рѣкѣ Б. Сыни, прошелъ 226 верстъ. Выше 110 верстъ отъ устья рѣки земельный фондъ оказался представленнымъ „главнымъ образомъ фондомъ суходольнымъ“. Изъ дальнѣйшихъ сообщеній отчета экспедиціи видно, что подъ сухо-

[1]) А. В. Журавскій. „Результаты изслѣдованія приполярнаго Запечорья“.

дольнымъ фондомъ, „отличающимся отсутствіемъ древесной растительности“, экспедиція разумѣетъ тундру съ преобладаніемъ „поверхностно заболоченной кочкарниковой пустоши“. По принятой выше Норманомъ и Ж—вскимъ классификаціи, такой фондъ, очевидно, нельзя относить къ разряду береговыхъ рѣчныхъ полосъ первой колонизаціонной очереди. За исключеніемъ же этого „суходольнаго фонда“, экспедиція нашла въ предѣлахъ 130 верстнаго теченія рѣки около 500 кв. верстъ или 52.000 десятинъ „пригодныхъ въ колонизаціонномъ отношеніи земель“. По разсчету на все пройденное отрядомъ разстояніе это составитъ въ среднемъ прибрежную полосу немногимъ шире 2 верстъ, т. е. въ два приблизительно раза большую, чѣмъ та, которая принята Ж—вскимъ за среднюю величину для всего Печорскаго края. Таковы данныя изъ района „колоссальныхъ площадей, занятыхъ идеальнѣйшими естественными лугами“. Районъ рѣки Адзьвы оказался представленнымъ, „исключая неширокія береговыя полосы, *всецѣло суходольными угодіями*“. Поемный фондъ по рѣкѣ Малой Сыни Журавскій опредѣляетъ болѣе 10,000 десятинъ, но въ видѣ лишь предположенія, такъ какъ „инструментальная съемка здѣсь осуществлена быть не могла“ во всякомъ случаѣ,— если допустить, что такой фондъ расположенъ, хотя бы на 100 верстахъ теченія рѣки, онъ представится въ видѣ полосы втрое болѣе узкой, чѣмъ прибрежный фондъ Б. Сыни, и не превыситъ по своей ширинѣ средняго размѣра, предположеннаго Ж—вскимъ для всего края. Я извлекъ всѣ цифровыя данныя относительно размѣровъ прибрежнаго лугового фонда въ этихъ районахъ „колоссальнаго“ развитія естественныхъ печорскихъ луговъ, какія только имѣются въ предварительномъ отчетѣ г. Журавскаго, и всякій можетъ убѣдиться, что его единственныя въ своемъ родѣ цифры свидѣтельствуютъ, что норма Ж—вскаго, опредѣляющаго среднюю ширину береговыхъ луговыхъ полосъ Печорскаго края въ 1 версту, близка къ истинѣ въ томъ смыслѣ, что, повидимому, превышаетъ среднюю сравнительно немного.

Подтвержденіе принятой мною точки зрѣнія можно найти у многихъ наблюдателей края; да и мнѣ самому, во время поѣздки по краю, приходилось убѣждаться, что прибрежныя луговыя пространства представляютъ собою обыкновенно узенькія полосы, въ недалекомъ разстояніи отъ берега переходящія въ тундры или сильно замшенныя кочкарниковыя и заболоченныя береговыя зоны съ чахлымъ лѣснымъ насажденіемъ. На возвышенныхъ берегахъ рѣкъ онѣ совсѣмъ отсутствуютъ; на низменныхъ развиваются болѣе замѣтно только при особыхъ топографическихъ условіяхъ. Какъ мы видѣли, ихъ почти не оказывалось при изслѣдованіяхъ района рѣки Адзьвы. Въ устьѣ рѣки Косьи онѣ значительно развиты вслѣдствіе того, что эта мѣстность, благодаря крайней пологости рѣчной долины, испыты-

ваетъ огромные разливы. Но и здѣсь сравнительно широкія прибрежныя полосы то и дѣло уступаютъ мѣсто тундровымъ болотамъ, то тутъ, то тамъ прорывающимся къ самому берегу. Это подтверждаетъ и г. Журавскій, который, напр., такъ описываетъ поемную полосу р. Косьи: „внѣ широкой поемной полосы, мѣстами тянутся обширныя заболоченныя полосы,—то моховыя, то кислыя; мѣстами *эти полосы вклиниваются въ поемные горизонты и подходятъ къ самому берегу*“. Совершенно такую же картину даетъ статистикъ экспедиціи г. Мамадышскій относительно самой рѣки Уссы. Характеромъ простиранія печорскихъ прибрежныхъ луговъ, наконецъ, объясняется явленіе, установленное экспедиціей 1903 г.: крайняя разбросанность луговыхъ угодій у печорскихъ крестьянъ и отдаленность ихъ отъ поселковъ, достигающая нерѣдко нѣсколькихъ десятковъ верстъ.

Совокупность всѣхъ подобныхъ фактовъ свидѣтельствуетъ, что цифра въ 800 тысячъ десятинъ, извлеченная мною изъ соображеній Ж—вскаго, можетъ быть, хотя и условно, принята за приблизительную мѣрку прибрежнаго фонда Печорскаго края. Если колонизаціоннымъ запасомъ считать только такія прибрежныя луговыя и поемныя пространства, то необходимо имѣть въ виду, что значительная часть ихъ отойдетъ въ надѣлъ мѣстному старожилому населенію, да кромѣ того придется скинуть со счета весьма немалый процентъ отдаленныхъ и мелкихъ клиньевъ, которые, благодаря своей разбросанности и мелкотѣ, будутъ пропадать для хозяйства поселенца, какъ бы интенсивно оно ни велось.

Разумѣется, колонизацію края только въ томъ случаѣ можно было бы основать исключительно на использованіи прибрежнаго естественнаго лугового и поемаго фонда, если бы остальное пространство земли представляло нѣчто завѣдомо негодное для сельско-хозяйственной культуры. Въ противномъ случаѣ ограничивать колонизаціонную нарѣзку прибрежными полосами, какъ рекомендуетъ, между прочимъ, г. Журавскій, въ своемъ предварительномъ отчетѣ, очевидно въ интересахъ быстроты осуществленія идеи,—значило бы совершенно обезцѣнить весь остальной фондъ, доступный колонизаціи при тѣхъ или иныхъ условіяхъ, т. е. добровольно обрѣзывать крылья этой же самой идеѣ.

Если въ Печорскомъ краѣ имѣются другія земли, доступныя сельско-хозяйственному пользованію, онѣ должны быть обращены подъ заселеніе *совмѣстно* съ поемнымъ и естественнымъ луговымъ фондомъ, а не отдѣльно отъ нихъ въ особой очереди. Въ непреложности такого колонизаціоннаго принципа убѣдились въ свое время землеотводныя партіи Вологодской и

другихъ сѣверныхъ губерній на первыхъ же порахъ своей дѣятельности [1]).

Фондъ, требующій коренной мелiорацiи.

Есть ли, однако, на Печорѣ иной пригодный земельный фондъ, кромѣ прибрежнаго лугового, и какъ великъ онъ? Въ томъ, что онъ есть, сомнѣваться нельзя, имѣя въ виду и вѣковой опытъ старожиловъ, и наблюденія изслѣдователей. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что пространства тундровыя или покрытыя лѣсомъ доступны сельско-хозяйственной культурѣ, подъ условіемъ затраты извѣстнаго количества труда и знанія и въ предѣлахъ извѣстной географической широты. Земледѣліе въ хозяйствѣ старожиловъ края существуетъ даже въ районѣ низовьевъ рѣки Уссы [2]), на земляхъ, подвергшихся соотвѣтствующей мелiораціи, въ формѣ, такъ называемыхъ, расчистокъ. Нѣтъ также сомнѣнія, что обогащенное знаніемъ крестьянское хозяйство въ состояніи будетъ продвинуть еще дальше на сѣверъ границу земледѣлія, а тѣмъ болѣе луговодства, возможнаго при прочихъ равныхъ условіяхъ, въ гораздо болѣе высокихъ широтахъ, чѣмъ земледѣліе. Но какъ великъ запасъ земель Печорскаго края, который можетъ быть цѣною болѣе или менѣе значительныхъ усилій обращенъ въ сельско-хозяйственное пользованіе, и какъ велики человѣческія усилія, необходимыя для достиженія такого результата? Первый вопросъ приводитъ насъ въ область полнаго господства отвлеченныхъ соображеній огульнаго характера; точныхъ данныхъ для отвѣта на этотъ вопросъ не имѣется. Возможно думать, что печорскій земельный фондъ, доступный мелiораціи, достигаетъ нѣсколькихъ милліоновъ десятинъ (едва-ли болѣе 2—3), если отнести къ нему все, что останется за выключеніемъ сѣверныхъ тундръ, земель, покрытыхъ цѣннымъ лѣсомъ и сильно заболоченныхъ пространствъ. Но каковы почвенныя условія этого остатка въ его цѣломъ, мы опять таки не знаемъ, ибо все, что имѣется въ настоящее время по данному вопросу, сводится къ отрывочнымъ наблюденіямъ, взятымъ случайно изъ различныхъ мѣстностей; нѣтъ въ нашемъ распоряженіи сплошного почвеннаго изслѣдованія хотя бы небольшой части интересующаго насъ земельнаго фонда, а не имѣя подобныхъ изслѣдованій, мы даже не въ силахъ дать точныя качественныя опредѣленія (не говоря уже о количествѣ) тѣхъ почвенныхъ типовъ среди всего разнообразія земель края, которые доступны мелiораціи, по цѣнности, не переходящей границъ экономической осуществимости, также какъ и тѣхъ, которые, напротивъ того, должны остаться за означенной границей, являясь, слѣдовательно, экономически непригодными для

---

[1]) А. А. Кауфманъ. „Матеріалы и соображенія по вопросу о колонизаціи сѣверо-восточныхъ губерній“.

[2]) Н. Н. Мамадышскій. „Краткій предварит. отчетъ по эксп. 1909 г.“.

колонизаціи—при современной экономическэй коньюнктурѣ. Тѣмъ болѣе невозможны никакія опредѣленія *размѣровъ* фонда, пригоднаго для колонизаціи при условіи экономически доступной меліораціи.

Стоимость меліораціи.

Хозяйственно-статистическая экспедиція 1903 года сообщаетъ объ Устькожвинской волости, что для производства въ этой мѣстности расчистки требуется отъ 14 до 24 рабочихъ дней на площадь въ 100 кв. с. Принимая въ расчетъ существующій въ настоящее время уровень заработной платы въ Печорскомъ уѣздѣ, это составитъ отъ 300 до 500 слишкомъ рублей затраты на приведеніе одной десятины въ состояніе сельско-хозяйственнаго пользованія. Такой размѣръ стоимости меліорацій переходитъ, очевидно, границы экономически осуществимаго, о которомъ я упоминалъ выше. Піонеръ колонизаціи (кто бы имъ ни былъ,—фермеръ, капиталистъ или крестьянинъ, примѣняющій только трудъ своей семьи) сдѣлалъ бы явно несообразную вещь, если бы при такихъ условіяхъ предпочелъ ѣхать на Печору для разработки тамошнихъ земель, вмѣсто того, чтобы за ту же цѣну пріобрѣсти въ средней Россіи вдвое, втрое большее количество вполнѣ культурной земли и, при томъ, въ неизмѣримо лучшихъ сельско-хозяйственныхъ условіяхъ.

На такіе доводы обыкновенно отвѣчаютъ, что крестьянинъ—переселенецъ не располагаетъ капиталомъ, который могъ бы дать ему возможность устроиться такъ хорошо дома, но зато имѣетъ руки, для приложенія которыхъ ему нужна только свободная земля. Повидимому, нѣчто въ родѣ такого соображенія руководило и г. Журавскимъ, когда онъ считалъ „нецѣлесообразнымъ“ вычислять рублями стоимость меліоративныхъ усилій на Печорѣ, а ограничился учетомъ ихъ на время [1]). Такое умышленное уклоненіе отъ экономической расцѣнки стоимости печорской меліораціи не спасаетъ самого аргумента о легкой осуществимости ея. На самомъ дѣлѣ, если вглядѣться въ вышеприведенныя данныя по Устькожвинской волости, то что они намъ говорятъ? 300—500 рабочихъ дней, необходимыхъ для расчистки одной только десятины, въ обыкновенномъ крестьянскомъ хозяйствѣ съ двумя взрослыми работниками, при короткомъ печорскомъ лѣтѣ, займутъ minimum 3 хозяйственныхъ сезона. Значитъ, семья поселенца, попавшая въ подобныя условія, будетъ имѣть сборъ хлѣба съ цѣлой десятины раскультивированной изъ, такъ называемаго, суходольнаго залѣсеннаго фонда не раньше, какъ черезъ $3^1/_2$ года послѣ своего прибытія на новое мѣсто, да и то, если ей посчастливится одолѣть другія неблагопріятныя условія своей работы. Спрашивается, изъ какихъ источниковъ она будетъ пополнять недостатки своего бюджета въ теченіе того вре-

[1]) А. В. Журавскій. Краткій предв. отчетъ по экспедиціи 1909 г.

мени, пока собственная ея запашка не покроетъ всей потребности въ хлѣбѣ и проч. Недостатки эти будутъ сказываться весьма долго: по словамъ Маркграфа, у сѣверныхъ новопоселенцевъ они ощущаются въ теченіе 20 и болѣе лѣтъ [1]). Цѣны же на предметы продовольствія въ Печорскомъ краѣ, естественно, очень высоки. Стало быть, чтобы выдержать испытаніе на экзаменъ сельско-хозяйственной колонизаціи, печорскому новоселу нуженъ или капиталъ или что-то другое взамѣнъ его. Съ капиталомъ ѣхать въ условія, подобныя описаннымъ, какъ мы уже видѣли, нѣтъ расчета.

Что же дѣлать безъ него?

Возможны два выхода изъ труднаго положенія. Одинъ указывается опытомъ сѣверныхъ старожиловъ. Экспедиція 1903 г. такъ, напр., описываетъ возникновеніе въ 1897 г. въ Краснобор-ской волости новаго поселка Чарка-Ювомъ: „первый годъ новоселы занимались исключительно *промыслами*. Сѣять начали на *третій годъ*, воспользовавшись расчистками Семяшкина, нѣсколько ихъ расширивъ“. Еще болѣе опредѣленныя указанія даетъ по данному вопросу Маркграфъ: „коренные жители сѣвера, по его наблюденіямъ, сами уходятъ на дальній заработокъ, не имѣя возможности обратить свои руки на раскультивированіе лѣсныхъ земель, такъ какъ имъ не достаетъ необходимыхъ на время расчистки: запаснаго хлѣба, орудій, скота и ближнихъ заработковъ[2])“. Такъ вотъ, въ чемъ находитъ исходъ сѣверный старожилъ: онъ поддерживаетъ свой бюджетъ промыслами (въ томъ числѣ и дальними). Но очевидно, что такой исходъ, съ точки зрѣнія колонизаціонной, не изъ удачныхъ: не даромъ же теперешняго печорскаго старожила забрасываютъ упреками въ отсутствіи интереса къ земледѣлію, лѣни и проч. Понятно, что чѣмъ больше времени удѣлитъ онъ „далекимъ заработкамъ“, тѣмъ дальше уйдетъ отъ основной сельско-хозяйственной цѣли своего поселенія. Да притомъ при массовой колонизаціи новыхъ элементовъ, наличный промысловый источникъ, несомнѣнно, будетъ въ корнѣ подорванъ.

Остается, такимъ образомъ, послѣдній исходъ—помощь поселенцу со стороны государства, хотя бы въ видѣ мелiоративнаго кредита. Но тутъ-то мы и возвращаемся къ тому затрудненію, отъ котораго пытались уйти. Снова придется поставить и рѣшить финансовый вопросъ: что выгоднѣе—съ точки зрѣнія государственной казны—кормить ли печорскаго переселенца въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ по высокимъ печорскимъ цѣнамъ, пока онъ не мелiорируетъ потребное количество земли, или

---

[1]) О. В. Маркграфъ. „Матеріалы къ вопросу о колонизаціи района Пермь-Котласской и Вологодско-Архангельской линіи“, стр. 6.

[2]) Тамъ-же, стр. 5.

выдать ему соотвѣтствующую (но гораздо меньшую) сумму денегъ, на покупку того же количества земли въ средней или южной черноземной полосѣ Россіи.

Я вовсе не утверждаю, что приведенный случай въ Усть-кожвинской волости—типиченъ. Среднія условія меліораціи печорскихъ земель, повидимому, ниже. Но было бы, однако-жъ, заблужденіемъ думать, что этотъ случай представляетъ нѣчто изъ ряду вонъ выходящее. Если существуютъ на сѣверѣ завѣдомо для всѣхъ земли, совсѣмъ недоступныя для колонизаціи, то почему удивляться, что находятся такія, расчистки которыхъ обходятся въ 500 и болѣе рублей десятина: *весь вопросъ*, какъ я уже сказалъ, *въ томъ, чтобы установить правильный уровень экономической доступности мѣстныхъ земель* различныхъ почвенныхъ типовъ и относительное количество каждаго почвеннаго типа въ отдѣльности,—тѣмъ самымъ опредѣлится характеръ и размѣръ того земельнаго запаса, который долженъ быть признанъ завѣдомо недоступнымъ для колонизаціи. Но возможность постановки подобныхъ вопросовъ вся въ будущемъ.

Противоположный предѣлъ стоимости печорской меліораціи устанавливаетъ г. Журавскій въ предварительномъ отчетѣ по экспедиціи 1909 г. По его словамъ, въ бассейнѣ Б. Сыни на луговыя кустарныя расчистки семья затрачиваетъ въ среднемъ отъ 4 до 7 рабочихъ дней на десятину, на тяжелыя (съ елью) до 14 дней. Въ этомъ сообщеніи не совсѣмъ ясно, что значитъ „*семья* затрачиваетъ 4—7 рабочихъ дней“, т. е. представляетъ ли эта цифра количество рабочихъ дней, вычисленное по отношенію къ *одному* работнику, или же на *всю* семью, въ общемъ составѣ ея рабочихъ силъ. Если вѣрно послѣднее пониманіе, тогда цифра автора, приведенная къ рабочей единицѣ, должна вырости въ нѣсколько разъ. Засимъ необходимо помнить, что печорскій новоселъ, естественно, выбираетъ наиболѣе легкія для расчистки пространства. Тѣ же поемныя пространства, заросшія болѣе густымъ кустарникомъ (какія, между прочимъ, описываетъ г. Журавскій на р. Косьѣ, и которыя мнѣ лично пришлось обозрѣвать), печорскій переселенецъ бросаетъ неразработанными, предпочитая ѣздить за нѣсколько верстъ отъ поселенія на мелкія пожни, свободныя отъ заросли, препятствующей сѣнокошенію. Значитъ, приведенныя данныя могутъ быть отнесены лишь къ лучшей части запаса лучшихъ прибрежныхъ луговыхъ земель, весь запасъ которыхъ исчисляется нѣсколькими десятками тысячъ десятинъ. При всемъ этомъ нельзя не сдѣлать къ указаннымъ цифрамъ нѣсколько поправокъ. По даннымъ экспедиціи 1903 г., практикуемая печорскими крестьянами система подчистки луговъ, во-первыхъ, не избавляетъ отъ повторной каждогодной подчистки, во-вторыхъ, носитъ совершенно примитивный характеръ. Вотъ нѣсколько выдержекъ

изъ отчетовъ этой экспедиціи. По Устьцилемской волости: „покосы почти всѣ находятся на заливныхъ мѣстахъ; покосы испещрены кустарниками, которые усиленно расчищаются: первый годъ вырубается кустарникъ, но корень остается; на 2-й и 3-й годъ вновь вырубаются отпрыски, и *только на 4-й годъ* корень теряетъ производительную способность и начинаетъ выгнивать". По Красноборской волости: „сѣнокосы сильно засорены кустарникомъ, который ежегодно приходится прочищать". Способъ первоначальной расчистки таковъ: рубятъ кустарникъ и на возвышенныхъ мѣстахъ сжигаютъ, а на низменныхъ оставляютъ на мѣстѣ до разлива рѣки, чтобы унесло водою.

Данныя г. Журавскаго, относящіяся къ расчисткѣ лучшихъ поемныхъ мѣстъ, интересны тѣмъ, что показываютъ, каковъ *минимумъ* тѣхъ усилій, которыя приходится затратить печорскому новоселу для расчистки лучшихъ участковъ здѣшняго земельнаго фонда. Такіе участки, по описаніямъ наблюдателей, разбросаны обыкновенно клочками среди болѣе густыхъ зарослей кустарника и болотъ.

Въ отношеніи фонда, не входящаго въ составъ прибрежныхъ естественныхъ луговъ, о которомъ, собственно, и идетъ въ данное время рѣчь, среднія цифры, конечно, гораздо менѣе утѣшительны. Этотъ фондъ, обыкновенно, покрытъ лѣсомъ или представляется тундрой. Обычный размѣръ стоимости лѣсной расчистки въ Архангельской губерніи, при наймѣ крестьяниномъ такого же крестьянина рабочаго, выражается въ 4—5 коп. на квадратную сажень, что составитъ 96—120 рублей на десятину. Избѣгая оцѣнки мелiоративныхъ усилій въ рубляхъ, г. Журавскій даетъ для средне-тяжелой расчистки изъ подъ лѣса на Печорѣ норму этихъ усилій въ 30—36 рабочихъ дней 2 человѣкъ на десятину, а для очень тяжелой — 50 дней и до 2 мѣсяцевъ. Мы видѣли уже, что для очень тяжелыхъ расчистокъ существуютъ на Печорѣ и гораздо болѣе высокія цифры. Въ силу этого мы будемъ, повидимому, ближе къ истинѣ, если передвинемъ *среднюю* норму ближе къ цифрѣ 100 рабочихъ дней (50×2) на десятину, что и будетъ совпадать съ тѣми данными относительно стоимости лѣсныхъ расчистокъ, которыя имѣются въ другихъ мѣстностяхъ губерніи въ видѣ довольно прочно фиксировавшейся стоимости расчистокъ изъ подъ лѣса одной квадратной сажени.

Мелiорація тундровыхъ (полярныхъ) пустошей, согласно предварительному отчету г. Журавскаго,—та же мелiорація (расчистка) пустошей лѣсныхъ районовъ минусъ корчевка, т. е. болѣе легка. Съ этимъ едва-ли можно согласиться. Вспомнимъ его же собственное наблюденіе, что изъ тундровыхъ типовъ въ полярномъ районѣ (р. Адзьва) преобладающимъ является типъ поверхностно-заболоченной кочкарниковой пустоши. Расчистка

подобной пустоши потребуетъ немалаго плюса къ тому труду, который приходится примѣнять при обычной лѣсной расчисткѣ. Трудъ по осушкѣ подобныхъ заболоченныхъ пространствъ, а въ особенности значительный трудъ по удаленію торфяного покрова и выравниванію кочкарниковой поверхности, все это очень и очень солидный плюсъ, врядъ-ли уступающій корчевкѣ лѣсныхъ расчистокъ.

Наконецъ, г. Журавскій называетъ еще одинъ типъ расчистокъ суходольныхъ, требующихъ, по его словамъ, въ среднемъ 10—15 дней работы двухъ рабочихъ на одну десятину. За отсутствіемъ точной характеристики соотвѣтствующаго почвеннаго типа, иногда называемаго г. Журавскимъ тундровымъ суходольнымъ (кромѣ одного указанія, что суходольный фондъ отличается отъ лѣсныхъ областей исключительно отсутствіемъ древесной растительности), нѣтъ возможности судить о точности данныхъ относительно его меліорацій. Значеніе ихъ при выработкѣ среднихъ величинъ для всего края не можетъ быть, во всякомъ случаѣ, существеннымъ при очевидно слабомъ развитіи этого почвеннаго типа и близости его къ типу тундровому.

Всѣ приведенныя мною соображенія даютъ право утверждать, что средняя стоимость лѣсной расчистки, 100 рублей на десятину, довольно близка къ общей средней, для всего того печорскаго земельнаго фонда, который я стремился отдѣлить, съ одной стороны, отъ типа прибрежныхъ естественныхъ луговъ, а съ другой, отъ земель, недоступныхъ колонизаціи. Такова, слѣдовательно, приблизительная стоимость основной меліораціи для наибольшей доли земельнаго фонда Печорскаго края, безъ использованія котораго немыслима широкая сельско-хозяйственная колонизація этого края.

Другія условія разработки печорскихъ земель.

Посильное опредѣленіе стоимости меліораціи печорскихъ земель, данное мною выше, не исчерпываетъ собою всѣхъ существенныхъ условій естественной обстановки мѣстнаго земельнаго запаса, которыя необходимо имѣть въ виду при оцѣнкѣ его колонизаціонной доступности. Та исключительная по качествамъ доля печорскаго земельнаго фонда, которая представлена прибрежными луговыми полосами, находится, къ сожалѣнію, въ наиболѣе неблагопріятныхъ условіяхъ по отношенію къ весеннимъ разливамъ рѣкъ. Острова, на которыхъ расположена значительная часть этихъ луговъ, находящихся нынѣ, большею частью, въ пользованіи старожиловъ, подвергаются самому сильному дѣйствію разливовъ. Соотвѣтствующіе факты можно въ большомъ количествѣ найти въ работахъ экспедиціи 1903 года. Напр., въ деревнѣ Хабарицкой, Устьцилемской волости, покосы раскинуты частью на островахъ: всѣ заливаются водой, по низкимъ мѣстамъ заносятся пескомъ. Въ деревнѣ Верхне-Бугаевѣ,

той же волости, расположенной на островѣ, происходитъ постепенное размываніе верхняго конца острова, такъ что деревня передвигалась внизъ по острову 3 раза. Въ деревнѣ Кислицкій выселокъ, расположенной на островѣ, усадьбы не защищены отъ ледохода, и опасаются какъ бы дома не смыло. Первые годы поселенія пробовали заниматься посѣвами, но смываетъ (разливомъ) и навозъ, и посѣвы,—бросили. Въ деревнѣ Климово усадьбы находятся на болѣе высокомъ мѣстѣ острова, но разливами островъ размываетъ, и часть усадебъ приходится передвигать вглубь острова; теперь дальше двигаться некуда (мѣсто низкое) и придется скоро выселяться. Подобныя же сообщенія разсыпаны по всему отчету экспедиціи относительно береговыхъ луговъ и усадебъ. Въ селеніи Устькожвѣ, напр., покосы тянутся по берегамъ рѣкъ Печоры и Кожвы, и весенняя вода заноситъ ихъ пескомъ. Въ деревнѣ Красный боръ быстрый спадъ весенней воды оставляетъ на покосахъ ледъ, и трава на этихъ мѣстахъ гибнетъ; кромѣ того, размывая песчаный берегъ, рѣка все болѣе и болѣе заноситъ покосы пескомъ. Въ деревнѣ Оранецъ весной всѣ покосы заливаются водой и заносятся пескомъ, иногда до такой степени, что приходится бросать данный участокъ. Подобная картина повсюду. Мнѣ лично пришлось ознакомиться, между прочимъ, съ жизнью поселковъ нижняго теченія рѣки Косьи. Среди обширнаго и дѣйствительно благодатнаго лугового простора поселенцы влачатъ жалкое существованіе, не находя спасенія отъ весенней воды, когда имъ вмѣстѣ со скотомъ приходится подолгу обитать на плотахъ. А вотъ въ томъ же родѣ картина, описываемая экспедиціей 1903 года. Деревня Нижне-Бугаево. Усадьбы на невысокомъ ровномъ мѣстѣ, водой заливаются часто, тогда скотъ приходится держать на повѣтяхъ (помѣщеніе для сѣна надъ хлѣвомъ). Пашней въ первое время занимались усердно, но 10 лѣтъ назадъ сѣять бросили: водой смываетъ и навозъ, и посѣвы.

Во всѣмъ подобныхъ описаніяхъ должно бросаться каждому въ глаза одно обстоятельство: отъ разливовъ жестоко терпятъ не только покосы и пашни, но даже усадьбы поселенцевъ. Какой странный мотивъ заставляетъ поселенцевъ жертвовать собой и селиться въ такихъ неудобныхъ мѣстахъ? Мотивъ этотъ, въ дѣйствительности ничего страннаго не представляющій, коренится во всей совокупности тяжелыхъ природныхъ условій—печорской колонизаціи. Поселенцу приходится выбирать одно изъ двухъ: или быть поближе къ своимъ пожнямъ, купивъ это удобство цѣною постоянной борьбы съ водной стихіей, или селиться на возвышенномъ противуположномъ берегу рѣки, въ разстояніи подъ-часъ нѣсколькихъ верстъ отъ сѣнокосныхъ угодій, иногда не имѣя подлѣ своей усадьбы сухого мѣста

даже для выгона. Въ этомъ сказывается крайній недостатокъ на Печорѣ вполнѣ удобныхъ мѣстъ для поселенія и сельскаго хозяйства.

Въ числѣ первыхъ нуждъ поселенца, по прибытіи его въ новый край, стоитъ, конечно, потребность въ строительномъ матеріалѣ. Ужъ на этотъ счетъ казалось бы печорскій колонистъ долженъ быть обставленъ достаточно хорошо. Старожилъ печорскій, дѣйствительно, устраивается сносно по части удовлетворенія нужды своей въ жильѣ. Собираясь на новое мѣсто, онъ забираетъ съ собой старыя постройки, сплавляя ихъ плотами по рѣкѣ. Но иная картина получается, когда даже печорскій поселенецъ лишенъ возможности перевезти съ собою старыя постройки. Вотъ какъ описываетъ, напр., экспедиція 1903 г. основаніе выселка Бызовскаго Устькожвинской волости. Въ августѣ принялись чистить мѣсто и строить дома; рубить лѣсъ было страшно трудно: лѣсъ густой, пихтовый, „такая была чаща—взойти было нельзя“, но всетаки кое-какъ къ 3 сентября взошли въ домъ; всю зиму провозились съ отдѣлкой дома. Это описаніе относится къ лѣсной части края. Для противоположнаго полярнаго района рѣки Адзьвы мы имѣемъ компетентное свидѣтельство г. Журавскаго: „безслѣдность (названнаго района) обусловливаетъ, по его словамъ, невозможность широкаго, въ близкомъ будущемъ, заселенія этихъ районовъ даже при благопріятныхъ результатахъ опытовъ“ [1]).

Мнѣ могутъ бросить упрекъ въ томъ, что я останавливаюсь подробно на такихъ особенностяхъ сѣверной природы, которыя являются общимъ мѣстомъ, что суровый обликъ ея извѣстенъ всѣмъ. Но этотъ упрекъ былъ бы несправедливъ. За послѣдніе годы вопросъ о колонизаціи Сѣвера, по выраженію г. Журавскаго, „претерпѣлъ революцію“. И въ чаду ея пытались измѣнить наиболѣе прочно установившіяся представленія объ основныхъ природныхъ условіяхъ края.

Достаточно привести взгляды г. Нормана на общія условія колонизаціи Сѣвера, чтобы видѣть, какъ далеки нѣкоторыя изъ указанныхъ мною особенностей ея отъ кругозора горячихъ сторонниковъ колонизаціи. Названный авторъ думаетъ, что условія переселенія въ Архангельскую губернію, по сравненію съ Сибирью, такъ удобны, что нѣтъ необходимости, напр., въ какихъ бы то ни было пособіяхъ и ссудахъ для переселенія. Они такъ удобны, что крестьяне могутъ переселиться исподволь въ теченіе 2 лѣтъ. Въ первый годъ они могутъ заготовить лѣсъ и сдѣлать предварительныя расчистки и осушенія и уже на второй, производя постройки жилищъ, могутъ переселиться совсѣмъ. Необ-

---

[1]) А. Журавскій. „Краткій предварительный отчетъ по экспедиціи 1909 г.“.

ходимость ссудъ и казеннаго кормленія переселенцевъ должна быть также избѣгнута обезпеченіемъ крестьянамъ возможности съ первыхъ же недѣль прибытія ихъ на мѣсто сдавать молоко своихъ коровъ на сепараторы крупныхъ хозяйствъ... Авторъ этихъ мыслей представляетъ себѣ сѣверъ, очевидно, не вполнѣ такъ, какъ большинство.

Плодородіе печорскихъ земель.

Мнѣ остается коснуться вопроса о плодородіи печорскихъ земель. Богатство поемныхъ луговъ края стоитъ внѣ спора, хотя въ цифрахъ, коими различные изслѣдователи пытаются выразить это богатство, замѣчаются существенныя разнорѣчія, быть можетъ, вполнѣ объясняемыя разницей матеріала тѣхъ наблюденій, на которыя опираются различныя показанія. Журавскій въ отчетѣ отряда экспедиціи по рѣкѣ Б. Сыни урожайность луговыхъ площадей опредѣляетъ такъ: „Средній урожай сѣна съ поемной десятины—200 и до 300 пудовъ, съ суходольной (не обработанной)—100—150 пудовъ". Экспедиція 1903 г. указываетъ для существующихъ поемныхъ крестьянскихъ луговъ Устьцилемской волости среднюю величину урожая 120 пудовъ. Опытныя условія наблюденій г. Журавскаго на *дѣвственныхъ*, не истощенныхъ ежегодной эксплоатаціей, въ теченіе долгаго періода, лугахъ, конечно, далеки отъ условій крестьянскаго луговодства. Мы видѣли уже, что крестьянскія пожни, по общему правилу, имѣютъ, прежде всего, тотъ недостатокъ, что разбросаны небольшими участками среди кустарниковой поросли или болотъ; онѣ испытываютъ, кромѣ того, значительное вредное вліяніе весеннихъ разливовъ, портятся всегда весенней пастьбой скота за неимѣніемъ удовлетворительныхъ спеціальныхъ выгоновъ, а главное, въ чемъ я имѣлъ случай лично убѣдиться,—естественные печорскіе луга при обычной формѣ пользованія быстро истощаются. Эти соображенія, объясняющія разницу показаній изслѣдователей, въ то же время заставляютъ допустить, что средняя урожайность печорскихъ луговъ, при лучшемъ уходѣ за ними, можетъ подняться до цифры, дѣйствительно превышающей теперешнюю ихъ урожайность въ хозяйствѣ старожиловъ, но сомнительно, чтобы даже при благопріятныхъ условіяхъ ей удалось достигнуть того уровня, который могутъ дать дѣвственныя неистощенныя поемныя пространства по р. р. Б. Сыни, Косьи и др. Вмѣстѣ съ тѣмъ представляется очевиднымъ, что высокая продуктивность для поддержанія постоянства своего урожая нуждается въ условіяхъ раціональнаго луговодства и раціональной постановки всего хозяйства въ его цѣломъ; при обычной нынѣ обстановкѣ крестьянскаго хозяйства на сѣверѣ производительность естественныхъ поемныхъ луговъ скоро истощается и падаетъ, какъ въ Устьсысольскомъ уѣздѣ [1])—до жалкихъ предѣловъ нѣ-

[1]) Труды Печорской экспедиціи г. Соколова.

сколькихъ десятковъ пудовъ съ десятины. Необходимо отмѣтить также, что въ сѣверныхъ частяхъ Печорскаго уѣзда, по сообщеніямъ изслѣдователей, сказываются даже на луговодствѣ отрицательныя вліянія суроваго климата. [1]).

Вопросъ объ урожайности хлѣбовъ въ Печорскомъ краѣ составлялъ за послѣдніе годы предметъ горячей полемики. Въ значительной мѣрѣ она возникла на почвѣ недоразумѣнія. Имѣя въ виду лишь ходячія офиціальныя данныя объ урожаяхъ края, г. Журавскій предпринялъ энергичный походъ противъ нихъ, какъ проявленія вреднаго предразсудка о слабой урожайности земель на Печорѣ. Недостатки офиціальныхъ статистическихъ свѣдѣній, собираемыхъ при помощи органовъ общей и сельской полиціи, достаточно извѣстны. Поэтому и борьба съ ними врядъ ли необходима.

Въ отношеніи Печорскаго края уже съ 1904 г. имѣются въ литературѣ данныя, избавляющія отъ необходимости относиться съ излишнимъ довѣріемъ къ цифрамъ офиціальной статистики. Я говорю объ обстоятельномъ изслѣдованіи экспедиціи 1903 года и позволю себѣ сдѣлать выдержку изъ ея отчета, касательно размѣра печорскихъ урожаевъ. Цитируемое сообщеніе относится въ частности къ Красноборской волости.

„Урожаи при благопріятныхъ атмосферическихъ вліяніяхъ достигаютъ здѣсь довольно значительныхъ величинъ: хорошимъ урожаемъ для ячменя служитъ самъ 11 и рѣпы съ 1 фунта 70 ушатовъ. На пожняхъ же показанія объ урожаѣ доходятъ до баснословныхъ цифръ, а именно: при хорошемъ урожаѣ рожь—самъ 30, ячмень—самъ 25, при среднемъ урожаѣ для ржи—самъ 20, для ячменя—самъ 15, при плохомъ урожаѣ для ржи—самъ 10, для ячменя—самъ 8.“ Приблизительно тѣ же данныя для обыкновенныхъ земель имѣются и относительно другихъ волостей: Устьцилемской и Устькожвинской. Говорить, при наличности подобныхъ показаній, о *плохомъ* урожаѣ, очевидно, нельзя. Но, съ другой стороны, было бы большой неосторожностью заключать непосредственно отсюда о благопріятныхъ общихъ условіяхъ земледѣлія на Печорѣ, представляя себѣ,—повторяя выраженіе г. Нормана,—этотъ край какимъ то Эльдорадо.

При оцѣнкѣ значенія приведенныхъ цифръ урожайности необходимо прежде всего приглядѣться къ формамъ печорскаго земледѣлія. Журавскій относитъ его къ первобытно-лядинному и потому думаетъ, что введеніе на Печорѣ даже трехполья должно повысить урожайность еще болѣе. Но первобытное земледѣліе характеризуется подсѣкой и имѣетъ ту основную черту, что земледѣлецъ пользуется однимъ и тѣмъ же участкомъ земли до тѣхъ поръ, пока не истощатся естественные запасы его произво-

[1]) „Печорскій край“, ч. 1-я, стр. 20.

дительности, а затѣмъ переходитъ на новый участокъ. Такая система земледѣлія удержалась до настоящаго времени въ Усть-сысольскомъ уѣздѣ, существуя тамъ наряду съ болѣе высокой формой навознаго трехполья. Ничего общаго съ такой первобытной подсѣчной (переложной) системой не имѣетъ господствующій типъ печорскаго земледѣлія. Печорскій крестьянинъ поневолѣ долженъ быстро переходить отъ первобытнаго полевого хозяйства къ навозному, въ значительной мѣрѣ приближающемуся къ огородному: если, однако, его хозяйство не имѣетъ характера трехполья, то для этого имѣются серьезныя причины. Крайній недостатокъ удобныхъ для превращенія въ пахотныя угодья площадей и значительная трудность ихъ меліорацій заставляютъ печорскаго земледѣльца дорожить каждымъ расчищеннымъ клочкомъ земли и не позволяютъ ему разбрасываться съ той расточительностью, которая типична для первобытнаго земледѣльца. Слабость запаса естественныхъ производительныхъ силъ въ печорской почвѣ съ такой же принудительностью заставляетъ владѣльца расчистки уже на второй годъ пользованія ею переходить къ искусственному удобренію навозомъ, которое потомъ и возобновляется ежегодно до тѣхъ поръ, пока случайная недостача навоза не заставитъ его дать отдохнуть полю подъ паромъ, который въ свою очередь тщательно обрабатывается весь періодъ парованія съ цѣлью накопленія въ немъ питательныхъ веществъ. Сравнительно большой (по отношенію къ количеству настоящаго старожилаго населенія) запасъ естественныхъ поемныхъ луговъ до извѣстной степени выручаетъ печорца изъ тяжелаго положенія, создаваемаго скудостью дѣвственной почвы и трудностью ея обработки: луга даютъ ему возможность имѣть сравнительно большое количество скота, а слѣдовательно и навоза, и тѣмъ самымъ избавляютъ земледѣльца отъ необходимости гнаться за расширеніемъ расчистокъ, фиксируя его хозяйство на уровнѣ *навознаго однополья*. При описанномъ условіи печорскаго земледѣлія переходъ къ трехполью самъ по себѣ не только не повыситъ продуктивности печорской земли, но, скорѣе наоборотъ, ибо потребность въ навозѣ при слабой естественной производительности почвы при трехполье не уменьшится. Да и, кромѣ того, будетъ ли раціонально при наличности описанныхъ условій земледѣльческаго хозяйства на Печорѣ стремиться къ замѣнѣ существующаго тамъ навознаго однополья отживающей формой трехпольнаго хозяйства, уменьшающаго среднюю производительность наличной пахотной земли за счетъ третьей части всей пашни, которая должна оставаться подъ паромъ?

Для характеристики производительности печорской почвы приведу данныя экспедиціи 1903 г. Объ Устькожвинской волости она пишетъ: „случаевъ посѣва безъ удобренія не бываетъ, если не считать посѣвовъ на свѣжихъ расчисткахъ въ первый

годъ, когда удобренія обыкновенно не кладутъ. Средняя густота увала (навоза) колеблется отъ 15 до 30 возовъ на 1 пудъ посѣва ячменя (вѣсъ воза 15—20 пудовъ)". А вотъ, что въ томъ же отчетѣ находимъ объ Устьцилемской волости. „Безъ навоза хлѣбовъ не сѣютъ, унаваживаютъ чаще каждый годъ и только въ рѣдкихъ случаяхъ черезъ годъ. По боровымъ песчанымъ мѣстамъ *послѣ выкорчевки лѣса раньше посѣва унаживаютъ въ теченіе 2—3 лѣтъ и только послѣ того сѣютъ*. При значительномъ количествѣ скота и ничтожныхъ размѣрахъ запашки недостатка въ навозѣ не наблюдается и пашни *унаваживаются весьма обильно:* на земли песчаныя валятъ на 1 пудъ посѣва до 800 пудовъ навоза, на глинистыя до 500 и на черныя до 300 пудовъ: въ переводѣ на десятину это будетъ на пески 14000 пуд. на глину 9000 пуд. и на черную землю—5400 пуд.". Вотъ при помощи какихъ количествъ удобренія поддерживаетъ печорскій крестьянинъ извѣстную высоту урожаевъ на своихъ клочкахъ земли, напоминающихъ скорѣе пріусадебные огороды, нежели пашню въ обычномъ представленіи ея. Относить эту урожайность на счетъ естественныхъ богатствъ почвы и благопріятныхъ особенностей климата, конечно, не приходится. Возлагать же надежду на то, что трехполье, водворенное на Печорѣ, совершитъ переворотъ въ тамошнемъ сельскомъ хозяйствѣ, повысивъ значительно его урожайность, такъ же мало основаній, какъ мало ихъ для того, чтобы третировать существующее печорское земледѣліе, считая его „первобытнымъ".

Благопріятныя условія печорскаго климата, на счетъ коихъ пытаются отнести сравнительно большую урожайность, сводятся, какъ извѣстно, къ относительно болѣе продолжительному (въ теченіе вегетаціоннаго періода) и болѣе интенсивному дѣйствію сѣвернаго свѣта, искупающему значительную кроткость здѣшняго лѣта. Къ сожалѣнію, эта особенность печорскаго климата, несомнѣнно являющаяся однимъ изъ важныхъ факторовъ мѣстнаго хозяйства, не нейтрализуетъ однако всѣхъ другихъ неблагопріятныхъ условій мѣстнаго климата. Безъ сомнѣнія, не будь ея—земледѣліе на Печорѣ было бы совершенно немыслимымъ. Однако-жъ, близость полюса заставляетъ помнить о себѣ постоянно. Не говоря уже о томъ, что для сѣверныхъ областей края до сихъ поръ еще не доказана даже самая возможность земледѣлія, несмотря на настойчивыя усилія въ этомъ направленіи г. Журавскаго, но и въ тѣхъ, болѣе южныхъ, широтахъ, гдѣ земледѣліе играетъ извѣстную роль въ обиходѣ наличнаго населенія, оно постоянно терпитъ отъ суровости климата. Главнымъ отрицательнымъ свойствомъ мѣстнаго климата является его вредное для земледѣлія непостоянство, наглядный признакъ того, что мы находимся на границѣ географической зоны земледѣлія. Это качество печорскаго климата сказывается

и въ топографическихъ условіяхъ земледѣлія и въ колебаніяхъ урожаевъ по годамъ, констатируемыхъ неоднократно экспедиціей 1903 г. (хотя долженъ оговориться, что ея данныя находятся въ странномъ противорѣчіи съ утвержденіями по тому же вопросу начальника экспедиціи 1909 года г. Журавскаго). Напр., отчетъ экспедиціи 1903 г. отмѣчаетъ (по Красноборской волости), что топографическія условія имѣютъ на урожай громадное вліяніе. „Разъ отъ деревни первая лѣсная полоса и вблизи пахоты бѣжитъ холодный ручей, или не вдалекѣ лежатъ болота съ большимъ пространствомъ, то на добрый урожай можно разсчитывать очень рѣдко,“ и только „потому что при такихъ топографическихъ условіяхъ очень часты морозы и именно въ тотъ моментъ, когда назрѣваетъ хлѣбъ или уже подсыхаетъ колосъ.“ „Въ общемъ урожаи,“ говоритъ та же экспедиція относительно Устькожвинской волости, „отличаются значительнымъ непостоянствомъ, благодаря суровости климатическихъ условій: короткое лѣто и ранніе заморозки препятствуютъ полному созрѣванію и хлѣбъ жнутъ часто зеленымъ и не дозрѣлымъ.“ Въ томъ же духѣ другія сообщенія; особенно характерно заключеніе экспедиціи относительно Красноборской волости: „конечно, если принять во вниманіе, что изъ 10 лѣтъ бываетъ 5 лѣтъ неурожаевъ и иногда такихъ неурожаевъ, что и зерна не соберешь, *иллюзіи о колоссальности урожая рушатся сами собой*, и къ тому придется прибавить,—говоритъ экспедиція,—что только эти то рѣдкіе удачные годы и могутъ поддерживать зерновое хозяйство.“ Едва-ли нужно дополнять приведенные отзывы указаніемъ, что описываемое неблагопріятное воздѣйствіе климата разнообразится по степени въ зависимости отъ широты и долготы того района, о которомъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ идетъ рѣчь: извѣстная разница проглядываетъ и въ отдѣльныхъ приведенныхъ мною выдержкахъ.

Данныя г. Журавскаго о постоянствѣ печорскихъ урожаевъ, опирающіяся также, какъ данныя экспедиціи 1903 года, на расспросахъ старожиловъ, какъ я уже упоминалъ, не вяжутся съ сообщеніями этой экспедиціи. Какъ бы ни объяснялось подобное противорѣчіе, нельзя не предпочесть въ данномъ случаѣ сплошного обстоятельнаго изслѣдованія экспедиціи 1903 г. отрывочнымъ и единичнымъ распросамъ г. Журавскаго. Болѣе солидный матеріалъ по вопросу даютъ не распросы, а собственный опытъ экспедиціи г. Журавскаго. Нужно напомнить, что опираясь на вышеотмѣченное интенсивное дѣйствіе свѣта въ теченіе вегетаціоннаго періода на Печорѣ, г. Журавскій поставилъ задачей своей доказать возможность культуры на Печорѣ такихъ сельскохозяйственныхъ растеній, которыя до сихъ поръ тамъ не разводились, а также и возможность распространенія земледѣльческой культуры за географическіе предѣлы теперешняго печор-

скаго земледѣлія. Съ этой цѣлью въ 1909 г. имъ организованы были три опытныя станціи: въ Куѣ, одномъ изъ самыхъ сѣверныхъ пунктовъ края, Устькожвѣ и Устьцильмѣ. Опытъ одного года, конечно, не можетъ дать окончательныхъ отвѣтовъ на поставленные вопросы, но нѣчто поучительное имѣетъ въ себѣ и онъ. Вотъ каковы результаты опытовъ въ 1909 г. по предварительному отчету г. Журавскаго. Въ с. Куѣ „опыты были поставлены, по мнѣнію г. Журавскаго, въ самыхъ ненормальныхъ условіяхъ, особенно рискованныхъ по своему сочетанію на поемномъ островѣ безъ удобренія и, при всемъ томъ, на три недѣли позже, чѣмъ то было возможно и необходимо въ 1909 году.“ „Съ этой точки зрѣнія то обстоятельство, что хлѣба все-таки стали наливаться къ концу вегетаціоннаго періода, а ячмень налился“ (но не дозрѣлъ, конечно), позволяетъ, по словамъ г. Журавскаго, „предполагать, что послѣдній, при посѣвѣ на три недѣли раньше, вѣроятно, дошелъ бы.“ Въ этомъ же родѣ результаты на Устькожвинской станціи: „главное опытное поле и огороды пришлось разбить на заливномъ островѣ и, вслѣдствіе исключительнаго по размѣрамъ и продолжительности наводненія, приступить къ посѣвамъ съ 10 іюня; такимъ образомъ, въ этомъ районѣ условія были ненормальны.“ Въ общемъ итогѣ „опредѣленные результаты опытовъ (на этой станціи) могутъ быть получены только при своевременной и раціональной постановкѣ.“ Въ концѣ концовъ опредѣленные результаты дала только центральная Устьцилемская станція, расположенная въ районѣ существующаго уже земледѣлія, и результаты ея свелись къ тому, что подтверждена возможность культуры тѣхъ растеній, которыя и безъ того входятъ въ число полевыхъ и огородныхъ растеній Устьцилемскаго района (новыя данныя нолучены лишь относительно овса). Поучительной стороной описанныхъ опытовъ служитъ то, что, какъ мы видимъ, опытныя станціи попадали какъ разъ подъ воздѣйствіе всѣхъ тѣхъ неблагопріятныхъ условій печорскаго сельскаго хозяйства, которыя отмѣчены другими изслѣдователями (тутъ и вредное вліяніе наводненій, и невыгодная необходимость устраивать огороды на заливнымъ мѣстахъ, и трудность приспособиться къ капризамъ климата и пр.). Что бы согласиться съ мнѣніемъ г. Журавскаго о „ненормальности“ для Печоры подобныхъ условій, нужно было бы допустить, что люди, поставленныя имъ во главѣ станцій, не въ состояніи разобраться даже въ вопросѣ объ элементарно необходимыхъ нормальныхъ условіяхъ опытовъ. Конечно, не они въ этомъ виноваты, а виноваты своеобразныя, суровыя и капризныя въ одно и то же время особенности климата, съ которыми, оказывается, не всегда подъ силу успѣшно бороться даже спеціальнымъ сельско-хозяйственнымъ станціямъ, не только рядовому земледѣльцу.

Такимъ образомъ, вопросъ объ отрицательныхъ качествахъ печорскаго климата, съ точки зрѣнія земледѣлія, остается пока въ томъ положеніи, которое опредѣлилось на основаніи вѣкового опыта старожиловъ. Нужно сказать, что встрѣчаемое иногда пренебрежительное отношеніе къ этому опыту вообще слабо мотивировано. Опытъ жизни, несмотря на всѣ присущіе ему недостатки, имѣетъ свое большое достоинство, заключающееся въ томъ, что онъ незамѣтнымъ естественнымъ путемъ стремится учесть всѣ условія извѣстной задачи, тогда какъ научный опытъ, по существу своему, стремится изолировать отдѣльные факторы явленія для изученія ихъ въ чистомъ видѣ. Вполнѣ естественно въ виду этого, что попытки перенесть указанія научнаго опыта, *непосредственно,* въ ихъ чистомъ видѣ, въ сферу практической дѣятельности человѣка, сплошь и рядомъ оканчиваются настолько печально, что заставляютъ сожалѣть о себѣ. Когда экспедиція г. Соколова въ Вологодской губерніи попробовала на первыхъ порахъ своей дѣятельности обойтись безъ указаній старожиловъ при опредѣленіи колонизаціоннаго фонда, попытка эта чуть-чуть не привела къ краху всего дѣла, и отчетъ экспедиціи чистосердечно признаетъ, что лишь опытъ старожиловъ далъ ей потомъ возможность поставить развѣдки цѣлесообразно. Аналогичный переходъ испытала экспедиція г. Журавскаго. Весной 1909 г. передъ отправленіемъ на Печору начальникъ этой экспедиціи не могъ понять, какой смыслъ изучать экономическое положеніе старожиловъ Печорскаго края. Въ то время ему казалось стоящимъ внѣ всякаго спора *„отсутствіе связи между культурными начинаніями старожиловъ и возможностью культуры для новоселовъ.“* Онъ даже увѣренъ былъ, что ему придется *„противопоставлять* данныя почвы, климата и рельефа даннымъ экономики старожиловъ“. А когда тотъ же г. Журавскій, возвратившись изъ экспедиціи 1909 г., приступилъ къ проектированію смѣты экспедиціи на 1910 г., онъ отвелъ статистическимъ сельско-хозяйственнымъ изслѣдованіямъ одно изъ главныхъ мѣстъ будущей дѣятельности своей экспедиціи. Такъ чувствительно наказываетъ жизнь за самонадѣянное пренебреженіе къ ея указаніямъ, особенно тогда, когда прямой задачей изслѣдованія ставится рѣшеніе практической задачи. Тамъ, гдѣ приходится совершать лишь первые робкіе шаги, какъ, напр., въ области изученія условій сельскаго хозяйства на Печорѣ, болѣе, чѣмъ гдѣ либо, необходимо внимательно вглядываться въ указанія уже накопленнаго опыта жизни.

Недовѣріе къ наблюденіямъ старожиловъ надъ неблагопріятными вліяніями климата на земледѣліе опирается обыкновенно на убѣжденіе, что печорскій крестьянинъ не интересуется земледѣліемъ, потому что обезпеченъ промыслами. Данныя болѣе обстоятельныхъ изслѣдованій края даютъ право скорѣе утвер-

ждать обратное: печорскій крестьянинъ интересуется земледѣліемъ, быть можетъ, болѣе, чѣмъ оно заслуживаетъ съ точки зрѣнія относительной своей выгоды. Можно говорить, что онъ отводитъ земледѣлію вторую роль въ своемъ хозяйственномъ обиходѣ (что вполнѣ соотвѣтствуетъ его экономическому удѣльному вѣсу при общихъ условіяхъ печорскаго хозяйства), но интересуется имъ печорскій старожилъ съ рѣдкимъ постоянствомъ. По отчету статистика экспедиціи г. Мамадышскаго, стремившагося, между прочимъ, прослѣдить зачатки земледѣлія въ районѣ Уссы, т. е. въ области, расположенной на самомъ краю земледѣльческой зоны, гдѣ осенніе заморозки появляются нерѣдко уже въ концѣ Іюля мѣсяца,—можно прослѣдить рядъ попытокъ мѣстнаго населенія создать земледѣльческую культуру. Даже въ селеніи Болбанъ, наиболѣе выдвинувшемся на сѣверо-востокъ, поселенецъ пытается сѣять ячмень, конечно, безъ успѣха. Можно надѣяться, что наука научитъ жителей этого селенія добиться вызрѣванія ячменя, но едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что и она не докажетъ (при современной экономической коньюнктурѣ) выгодность устройства въ поселкѣ Болбанъ земледѣльческаго хутора.

Личный составъ колонизаціи.

Такимъ образомъ, я подошелъ къ слѣдующему вопросу общей задачи колонизаціи Печорскаго края. Мы видимъ, что на Печорѣ имѣется извѣстныхъ размѣровъ земельный фондъ, что этотъ фондъ, хотя и съ большимъ трудомъ и лишь отчасти, но можетъ быть использованъ. При какихъ же условіяхъ дѣйствительно возможно использованіе этого фонда для цѣлей широкой колонизаціи. Этотъ вопросъ допускаетъ опредѣленный отвѣтъ въ зависимости отъ выясненія возможнаго личнаго состава колонизаціи и экономическаго типа ея,—то и другое неразрывно связано между собою.

Я снова напомню, что идея колонизаціи Печорскаго края появилась въ текущей прессѣ въ сопровожденіи другой идеи—возможности разрѣшенія государственнаго аграрнаго вопроса. Ознакомившись съ характеромъ земельныхъ богатствъ края, мы видимъ теперь, что сами по себѣ и съ точки зрѣнія мѣстныхъ интересовъ края они, дѣйствительно, не могли бы привлечь къ себѣ такого усиленнаго вниманія, если бы не невольное сопоставленіе ихъ слабой эксплоатаціи съ экономическими потребностями центральной Россіи. Значитъ, центръ задачи въ томъ, чтобы дать возможность населенію центральной Россіи найти здѣсь возможно болѣе широкое приложеніе своей сельско-хозяйственной энергіи. Въ этомъ то, однако, направленіи неизбѣжны наибольшія затрудненія. Всякому понятно, что чѣмъ выше разница между условіями сельскохозяйственной дѣйствительности на родинѣ колониста и на мѣстѣ его новой дѣятельности, тѣмъ больше шансовъ полнаго крушенія всего мѣропріятія. Въ особенно-

сти вѣрно это положеніе въ отношеніи переселенца съ тѣмъ культурнымъ уровнемъ, какой имѣется у рядового русскаго переселенца, вступающаго въ борьбу съ дѣвственной природой безъ всякаго оружія въ рукахъ, кромѣ одностороннихъ навыковъ своего мѣстнаго опыта. Исторія сибирскаго переселенія дала не мало поучительныхъ указаній въ смыслѣ необходимости считаться съ неприспособленностью крестьянина-поселенца къ своеобразнымъ естественнымъ условіямъ его новаго мѣстожительства. Въ этомъ отношеніи могу сослаться на знатока переселенческаго дѣла А. А. Кауфмана, который находитъ, [1]) что составъ переселенцевъ на сѣверѣ долженъ быть комплектуемъ изъ отборныхъ, такъ сказать, элементовъ, которыхъ не устрашитъ суровость сѣвернаго климата и борьба съ сѣвернымъ лѣсомъ. Когда г. Кауфманъ говорилъ это, онъ имѣлъ въ виду такой „сѣверъ“, какъ Вологодская, Вятская и Пермская губерніи,—что сказалъ бы онъ о переселеніи въ область, находящуюся у полярнаго круга? Однако, необходимость отбора колонизаціонныхъ элементовъ при заселеніи сѣвера, и весьма строгаго отбора, когда рѣчь идетъ о заселеніи Печорскаго края, до послѣдней степени суживаетъ источникъ личнаго матеріала экспедиціи. Очевидно, что только наиболѣе сѣверные районы Россіи могутъ дать подходящій матеріалъ, тѣ же Вятская, Пермская, Вологодская, Олонецкая губерніи. Г. Норманъ думаетъ, что можно привлечь переселенцевъ изъ лѣсныхъ мѣстъ также средней и восточной Россіи, съ береговъ большихъ рѣкъ. Но ни средняя, ни восточная Россія не имѣютъ условій, которыя въ особенности необходимы для выработки у крестьянина навыковъ, потребныхъ въ обстановкѣ сѣвернаго сельскаго хозяйства: крестьянинъ Саратовской или Самарской губерній, живущій на берегу Волги, не имѣетъ иной разъ и понятія объ обыкновенной лѣсной охотѣ, осушкѣ болотъ, борьбѣ со мхомъ и т. п. Что же онъ будетъ дѣлать на Печорѣ посреди необъятной тундровой или лѣсной пустоши, со всѣмъ своеобразіемъ прочей природной обстановки края. Такимъ образомъ, оказывается трудно разрѣшимой основная цѣль колонизаціи Печорскаго края. Сѣверныя губерніи, конечно, также претерпѣваютъ, въ извѣстномъ смыслѣ, малоземелье, но это явленіе чисто относительное, зависящее отъ неудачно сложившихся порядковъ мѣстнаго землепользованія. При раціональномъ использованіи мѣстнаго земельнаго фонда, какъ показала это, напр., экспедиція г. Соколова въ отношеніи Вологодской губерніи, нужда въ землѣ тамошняго населенія можетъ быть съ избыткомъ удовлетворена тамошними же запасами земли. Слѣдовательно, земельные запасы Печорскаго края не нужны

[1]) А. А. Кауфманъ. „Матеріалы и соображенія по вопросу о колонизаціи свободныхъ земель сѣверо-восточныхъ губерній“, стр. 110.

населенію какъ разъ тѣхъ мѣстностей, которыя могли бы дать для него удовлетворительный личный колонизаціонный матеріалъ.

Если бы, несмотря на отмѣченныя затрудненія, мы все-таки поставили-бы передъ собой задачу—заселить Печорскій край крестьянами средней Россіи, осуществленіе этой задачи, очевидно, потребовало бы исключительно высокаго напряженія государственныхъ средствъ для всесторонней матеріальной поддержки переселенца въ первые годы его пребыванія на новомъ мѣстѣ, пока онъ не освоится съ новой обстановкой,—съ значительнымъ при томъ рискомъ въ отношеніи окончательнаго успѣха дѣла. Представлять же такое переселеніе возможнымъ безъ всякой поддержки со стороны казны, какъ это дѣлаетъ г. Норманъ, можно только при оптимистическомъ настроеніи.

Въ литературѣ даннаго вопроса указывается еще иной источникъ колонизаціи, лежащій за предѣлами господствующаго типа русской колонизаціи,—въ видѣ трудового крестьянства, сказанный источникъ представляется подъ наименованіемъ „прочихъ сословій“. Существо дѣла, конечно, не въ сословности предполагаемыхъ колонистовъ, а въ разсчетѣ на иной экономическій типъ колонистскаго хозяйства, который можетъ быть установленъ на Печорѣ представителями другихъ соціально-экономическихъ группъ, кромѣ крестьянской, обычнаго ея типа. Чтобы ясно разобраться въ соотвѣтствующихъ ожиданіяхъ, надо именно вглядѣться, какія экономическія особенности представляютъ колонисты „прочихъ сословій“. Опредѣленныя указанія на этотъ счетъ даетъ г. Норманъ, приглашающій на сѣверъ тѣхъ частныхъ, среднихъ и мелкихъ землевладѣльцевъ центральной Россіи, которые ослабѣли въ борьбѣ съ тяжелыми условіями своего хозяйства. На сѣверѣ онъ рекомендуетъ имъ заняться молочнымъ скотоводствомъ, устраивая хутора въ 100—150 десятинъ величиною. Я не имѣю права утверждать, что разсчеты г. Нормана относились, между прочимъ, и къ Печорскому краю, потому что въ то время, когда писалась имъ статья, изъ которой я извлекъ этотъ проектъ, онъ еще не думалъ о широкой колонизаціи Печорскаго края. Но другіе поборники колонизаціи Печорскаго края, считающіе труды г. Нормана катехизисомъ идеи и настойчиво защищающіе мысль объ открытіи земель края для лицъ „всѣхъ сословій“, несомнѣнно считаютъ вышеприведенныя предположенія г. Нормана вполнѣ примѣнимыми и къ Печорскому краю. Позволю себѣ въ виду этого отмѣтить недостаточную обоснованность надеждъ на водвореніе въ Печорскомъ краѣ колонистовъ фермерскаго типа изъ рядовъ среднихъ и мелкихъ землевладѣльцевъ центральной Россіи, „ослабѣвшихъ“ въ борьбѣ съ тяжелыми условіями тамошняго хозяйства. Всякій знаетъ, что представляетъ собою „ослабѣвшій“

землевладѣлецъ центральной Россіи,—это человѣкъ закабаленный земельному банку. Для того, чтобы такому задолженному землевладѣльцу выручить при ликвидаціи прежняго своего хозяйства 4—8 тысячъ рублей, необходимыхъ, по мнѣнію г. Нормана, для начала дѣла на сѣверѣ, ему нужно обладать въ центрѣ не 100—300 десятинами, а вдвое большимъ количествомъ земли. Значитъ рѣчь идетъ, собственно говоря, не о мелкомъ и даже не о среднемъ землевладѣльцѣ. Но землевладѣльцу болѣе крупныхъ владѣній, ослабѣвшему у себя на родинѣ, превратиться въ сѣвернаго фермера по всѣмъ его привычкамъ не легче, чѣмъ крестьянину Кіевской и сосѣднихъ съ ней губерній заняться меліораціей тундръ на берегахъ р. р. Адзьвы, Косьи и другихъ.

Экономическая организація хозяйства колонистовъ.

Вопросъ о личномъ составѣ колонизаціи, какъ я уже сказалъ и какъ видно изъ предыдущаго, неразрывно связанъ съ другимъ вопросомъ—о возможномъ типѣ экономической организаціи колонистскаго типа.

Мыслимъ ли на Печорѣ въ данное время, кромѣ обычнаго нашего переселенца-крестьянина, обходящагося трудомъ собственной семьи, также и колонистъ-фермеръ, какъ его рисуетъ г. Норманъ, съ хуторомъ въ 100—150 десятинъ, вырабатывающій для заграничнаго рынка молочные продукты? Послѣ всего сказаннаго должно быть ясно, прежде всего, что для оборудованія на Печорѣ хутора въ 100—150 десятинъ нужно не 4—8 тысячъ рублей. На одну меліорацію такого участка пойдетъ вдвое-втрое больше. Затѣмъ идутъ крупныя затраты на мертвый и живой инвентарь, постройки и т. д. Чтобы поставить хуторъ такого размѣра (конечно раціонально), нуженъ очень и очень солидный капиталъ. Но допустимъ даже, что найдутся люди предпріимчивые, готовые вложить соотвѣтствующихъ размѣровъ капиталъ въ печорскія тундры („пустоши“). Есть-ли основаніе надѣяться, что капиталъ этотъ дастъ надлежащей высоты ренту. Всѣ соображенія говорятъ противное. Единственный доводъ за успѣхъ сводится къ богатству луговъ въ бассейнѣ Печоры. Но зато сколько противоположныхъ условій, обѣщающихъ неуспѣхъ. Мы видимъ прежде всего, что оборудованіе подобнаго хутора, благодаря бездорожью и дороговизнѣ рабочихъ рукъ, обойдется гораздо дороже, чѣмъ даже въ центральныхъ уѣздахъ той же Архангельской губерніи. Меліорація луговъ потребуетъ весьма сильной затраты капитала. Уже эти основныя затраты могутъ рентироваться должнымъ образомъ лишь при исключительно благопріятныхъ результатахъ хозяйства. Но размѣры оборотнаго капитала въ хозяйствѣ на Печорѣ должны быть также исключительно высоки, не только благодаря бездорожью и, слѣдовательно, дороговизнѣ всего покупаемаго для хутора, не только благодаря отсутствію дешевой и достаточно культурной рабочей силы, но и благодаря нѣкоторымъ другимъ неблагопріятнымъ условіямъ: краткость печорскаго лѣта

и раннее выпаденіе снѣга очень затрудняютъ уборку сѣна, требуя напряженія рабочихъ силъ, благодаря чему удорожаютъ веденіе фермернаго хозяйства; продолжительность зимы и соотвѣтствующая тому продолжительность стойловаго содержанія скота, въ свою очередь, способствуютъ повышенію издержекъ молочнаго производства. Богатство печорскихъ луговъ, добываемое и поддерживаемое дорогою цѣною, не искупитъ всѣхъ этихъ невыгодныхъ условій. Когда же продукты печорскаго молочнаго скотоводства отправлены будутъ, наконецъ, на рынокъ, имъ придется вынести на себѣ не только исключительную высокую затрату основного капитала и всю дороговизну производства, но и лишніе расходы по транспорту, благодаря его примитивности. Эта же примитивность транспорта для нѣжныхъ и цѣнныхъ продуктовъ молочнаго хозяйства подчинитъ производителя его риску всевозможныхъ случайностей въ пути. Въ свою очередь, медленность транспорта лишаетъ фермера возможности учитывать ожидаемыя условія рынка, ужъ не говоря о томъ, что замедляя оборотъ капитала, она еще болѣе удорожитъ производство. При всей совокупности описанныхъ невыгодныхъ условій, печорскому производителю придется конкурировать на рынкѣ съ производителемъ, поставленнымъ въ гораздо болѣе выгодныя условія, имѣющимъ возможность пользоваться болѣе дешевымъ трудомъ, болѣе дешевымъ инвентаремъ и продовольствіемъ, болѣе быстрымъ и упорядоченнымъ транспортомъ, производителемъ, свободнымъ отъ всѣхъ лишнихъ затратъ, которыя вызываются суровостью печорскаго климата и, въ особенности, его непостоянствомъ.

Я подчеркнулъ въ началѣ, что говорю о теперешнихъ условіяхъ фермернаго хозяйства на Печорѣ, отнюдь не о томъ, что можетъ быть впослѣдствіи, когда практически рѣшенъ будетъ вопросъ о путяхъ сообщенія Печорскаго края, и когда край будетъ уже достаточно плотно заселенъ. Я счелъ необходимымъ освѣтить невозможность фермерской колонизаціи Печоры въ настоящій моментъ въ виду того, что по довольно распространенному воззрѣнію считается важнымъ „открыть“ Печорскій край для лицъ „всѣхъ сословій“ теперь же, прежде чѣмъ приступлено будетъ къ колонизаціи его путемъ обычнаго крестьянскаго переселенія. Предполагается при этомъ, что лица иныхъ сословій явятся въ краю піонерами раціональнаго молочнаго скотоводства и образцами для позднѣйшихъ поселенцевъ крестьянъ. Этотъ расчетъ построенъ на крайне зыбкомъ основаніи. Возможно, что фермерское хозяйство явится таки на Печорѣ *послѣ* заселенія ея путемъ переселенія крестьянъ, но раньше того оно не можетъ упрочиться въ этомъ краѣ.

Сказанное мною о неблагопріятной обстановкѣ края для упроченія здѣсь фермерскаго хозяйства въ извѣстной мѣрѣ относится и къ будущему хозяйству поселенцевъ-крестьянъ, хо-

зяйство которыхъ построено не на наемномъ трудѣ. Дѣло въ томъ, что основнымъ промысломъ будущаго переселенческаго хозяйства должно быть, по общему мнѣнію, то же скотоводство, такъ какъ земледѣліе находится здѣсь въ несравненно болѣе тяжелыхъ условіяхъ. Скотоводство-же, если оно занимаетъ положеніе основного промысла, не избавляя крестьянина отъ необходимости прикупать себѣ муку и другіе продукты земледѣлія, нуждается въ силу этого само въ рынкѣ для сбыта своихъ продуктовъ, чтобъ доставить крестьянину покупательныя средства. Значитъ, бюджетный балансъ въ печорскомъ крестьянскомъ хозяйствѣ мыслимъ лишь при благопріятныхъ условіяхъ сбыта продуктовъ скотоводства, прежде всего молочныхъ продуктовъ, но широкій сбытъ этихъ послѣднихъ возможенъ только при техническомъ содѣйствіи сепаратора, т. е. маслодѣльныхъ заводовъ. Существованіе же маслодѣльныхъ заводовъ, какъ показалъ опытъ Вологодской губерніи и нѣкоторыхъ мѣстностей Архангельской, возможно лишь при томъ непремѣнномъ условіи, если скотоводство въ данной мѣстности уже достигло опредѣленной плотности. Разбросанность болѣе доступныхъ составныхъ частей печорскаго земельнаго фонда явится серьезнымъ тормазомъ къ тому, чтобы печорское скотоводство могло въ скоромъ времени достигнуть надлежащей плотности (ея не достигли до сихъ поръ такія центральныя мѣстности Архангельской губ., какъ, напримѣръ, Лявленская волость). Все это указываетъ, что даже при удачномъ ходѣ заселенія Печорскаго края нѣтъ основаній надѣяться на пышный расцвѣтъ здѣсь въ ближайшемъ будущемъ молочнаго скотоводства, тѣмъ болѣе, что оно при всякихъ формахъ производства будетъ сильно терпѣть еще и отъ тѣхъ неблагопріятныхъ условій сбыта, о которыхъ я говорилъ выше. Печорское скотоводство ближайшаго будущаго, очевидно, будетъ обслуживать молочными и мясными своими продуктами только болѣе близкіе и ограниченные рынки, менѣе требовательные въ отношеніи качества продукта.

Порядокъ колонизаціи.

Въ ближайшей связи съ основными признаками мыслимаго на Печорѣ колонистскаго хозяйства стоитъ вопросъ о порядкѣ колонизаціи, т. е. объ основныхъ началахъ, которыя должны лечь въ основу мѣропріятій правительства, направленныхъ къ осуществленію колонизаціонной задачи. Считая единственно раціональнымъ въ настоящее время по отношенію къ Печорскому краю типомъ колонизаціи—обычный типъ крестьянскаго переселенія, я долженъ предварительно коснуться невыгодныхъ сторонъ другого порядка колонизаціи, защитникомъ котораго является между прочимъ г. Журавскій, и въ основу котораго кладется упомянутое открытіе Печорскаго края для вольнаго поселенія лицъ всѣхъ сословій. Сущность этого вида колонизаціи сводится

въ предварительномъ отчетѣ объ экспедиціи 1909 г. къ тому, что земли Печорскаго края должны быть объявлены *безъ предварительной нарѣзки* свободными для вольнаго поселенія на правахъ аренды (у казны), но съ правомъ выкупа въ размѣрахъ, обусловливаемыхъ видами хозяйства, подъ условіемъ ненарушимости интересовъ старожилаго, осѣдлаго населенія и лѣсного вѣдомства и *по мѣрѣ поступленія соотвѣтствующихъ ходатайствъ*.

Свобода вольнаго поселенія есть прежде всего свобода захвата лучшихъ частей наличнаго земельнаго фонда. Если только надежда на практическій успѣхъ описанной мѣры имѣетъ подъ собой какое либо основаніе, если найдется достаточно охотниковъ для такого вольнаго поселенія на Печорѣ, то, конечно, они будутъ дѣлать то же, что до сихъ дѣлали печорскіе старожилы: будутъ усиленно занимать прибрежныя луговыя пространства, а такъ какъ фондъ поемныхъ луговъ весьма ограниченъ, то, очевидно, онъ будетъ исчерпанъ въ самое короткое время. Создать на этихъ поемныхъ лугахъ какое-либо производительное хозяйство болѣе крупнаго фермерскаго типа нѣтъ возможности, вслѣдствіе ихъ узкаго лентообразнаго простиранія. Организовать подобное хозяйство путемъ округленія съ сосѣднимъ земельнымъ запасомъ лучшаго качества возможно было бы лишь при рискованной затратѣ крупнаго капитала на меліорацію и проч., на каковую охотниковъ найдется мало. Стало быть, будущему собственнику такихъ прибрежныхъ луговинъ (если это будетъ не крестьянинъ съ собственнымъ хозяйствомъ) останется одинъ выгодный исходъ эксплуатировать свою собственность путемъ сдачи въ аренду сосѣднимъ крестьянамъ. Явленіе аренды пожней, хотя и спорадически, уже существуетъ на Печорѣ; когда поемный луговой фондъ будетъ исчерпанъ, оно, конечно, пышно разовьется, какъ это было, напр., въ Вологодской губерніи послѣ запрещенія крестьянамъ свободныхъ расчистокъ казенной земли.[1]) Но такой исходъ никоимъ образомъ не соотвѣтствуетъ основнымъ задачамъ колонизаціонной политики государства. Нѣтъ смысла создавать между казной и мѣстнымъ населеніемъ, нуждающимся въ землѣ, посредниковъ въ видѣ особо приглашенныхъ для этого охочихъ людей изъ всѣхъ сословій; къ колонизаціи края такая мѣра, очевидно, не будетъ имѣть никакого отношенія.

Между тѣмъ, занятіе кѣмъ бы то ни было прибрежныхъ луговыхъ пространствъ совершенно обезцѣниваетъ остальной земельный фондъ края. При нарѣзкѣ переселенцамъ участковъ смѣшаннаго (по качеству) типа, доли участковъ, покрытыя есте-

[1]) А. А. Кауфманъ. „Матеріалы и соображенія по вопросу о колонизаціи свободныхъ земель сѣверо-восточныхъ губерній“, стр. 239.

ственными лугами, послужатъ имъ точкой опоры для первоначальной организаціи новаго хозяйства, прежде чѣмъ они успѣютъ подготовить для него остальную площадь. Въ то же время, благодаря непосредственному примыканію такого участка къ водной артеріи, переселенческое хозяйство на первое время не почувствуетъ крайней нужды въ искусственныхъ путяхъ сообщенія. Совсѣмъ иное, если переселенцамъ предложатъ занимать въ сторонѣ отъ рѣкъ участки, на которыхъ нѣтъ клочка земли, доступнаго безъ предварительной меліораціи. При подобной постановкѣ переселенческаго дѣла оно затрудняется до послѣдней степени, можно сказать больше того, оно можетъ стать невозможнымъ.

Даже въ томъ случаѣ, если предоставленіе всякому желающему права занимать свободные участки земли на Печорѣ не вызоветъ слишкомъ широкаго притока вольныхъ поселенцевъ (что вполнѣ вѣроятно), все-таки безпорядочный захватъ отдѣльныхъ земельныхъ клочковъ, создавъ чрезполосицу, тѣмъ самымъ обезцѣнитъ въ колонизаціонномъ отношеніи прилегающія къ нимъ пространства. Такъ именно была оцѣнена разсматриваемая мною колонизаціонная мѣра Особымъ Совѣщаніемъ при Архангельскомъ Губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ Присутствіи, обсуждавшемъ въ началѣ 1909 г., по предложенію г. Главноуправляющаго Землеустройствомъ и Земледѣліемъ, вопросъ объ открытіи казенныхъ земель Архангельской губерніи для свободнаго заселенія лицами всѣхъ сословій. Названное совѣщаніе признало болѣе цѣлесообразнымъ производить свободное „заселеніе путемъ предварительныхъ отводовъ.“ Это заключеніе относилось, правда, не къ Печорскому краю, судить о коемъ совѣщаніе не признало возможнымъ за недостаткомъ въ то время свѣдѣній о немъ, но, какъ можно видѣть теперь, между прочимъ, изъ данныхъ экспедиціи 1909 г., первоначальный выводъ приходится распространить и на Печорскій край, при томъ еще въ болѣе рѣшительной формѣ, ибо разница въ доступности отдѣльныхъ составныхъ частей печорскаго земельнаго фонда гораздо значительнѣе, чѣмъ въ центральныхъ уѣздахъ губерніи.

Въ сущности говоря, проектируемое нынѣ свободное заселеніе края уже испытано жизнью, и на Печорѣ, и въ другихъ областяхъ русскаго сѣвера, напр., въ Вологодской губерніи. Тамъ процессъ исторической естественной колонизаціи, который совершался и совершается донынѣ мѣстнымъ населеніемъ внѣ рамокъ законодательной регламентаціи, есть ничто иное, какъ свободное заселеніе края, правда, не всѣми сословіями, а лишь однимъ крестьянскимъ, но это не мѣняетъ дѣла, потому что элементарный экономическій расчетъ не зависитъ отъ сословности. А насколько вредное вліяніе оказала такая стихійная безпорядочная колонизація на условія осуществленія современной пла-

номѣрной колонизаціи, напр. въ Вологодской губ., объ этомъ весьма внушительныя указанія можно найти въ упоминавшемся мною трудѣ г. Кауфмана. Землеотводныя партіи, работавшія въ Вологодской и сосѣднихъ съ нею губерніяхъ въ первые годы текущаго столѣтія, на примѣрѣ убѣдились, что безпорядочный захватъ старожилами наиболѣе удобныхъ мѣстъ представляетъ серьезное препятствіе для дальнѣйшаго колонизаціоннаго использованія оставшагося не занятымъ земельнаго фонда; и единственнымъ выходомъ изъ созданнаго этимъ затруднительнаго положенія признано было—землеустройство старожилаго населенія, производимое совокупно съ нарѣзкой новыхъ колонизаціонныхъ площадей, говоря иными словами, пришлось заново перекроить сложившееся уже землепользованіе старожиловъ, чтобы открыть тѣмъ самымъ возможность раціональнаго использованія незанятыхъ земель. Но въ Вологодской губерніи по отношенію къ старожилому крестьянскому населенію вопросъ разрѣшился сравнительно легко лишь потому, что крестьяне того района, въ которомъ оперировали землеотводныя партіи, не имѣли правъ собственности на землю, а владѣли ею приблизительно въ тѣхъ же юридическихъ формахъ, какъ и бывшіе казенные крестьяне Архангельской губерніи, что давало казнѣ свободно проявить свою распорядительную власть въ отношеніи фонда различнаго крестьянскаго землепользованія. Совсѣмъ иное положеніе было бы создано на Печорѣ свободнымъ занятіемъ земель лицами всѣхъ сословій *на правахъ собственности*. Раздавши нынѣ земли эти въ собственность, нельзя было бы отобрать ихъ впослѣдствіи назадъ на томъ лишь основаніи, что такая мѣра оказалась неудачной: это не соотвѣтствовало бы авторитету государственной власти съ одной стороны, а съ другой сдѣлало бы теперешнюю собственность печорскихъ колонизаторовъ совершенно фиктивной.

Сторонниками проекта свободнаго заселенія Печорскаго края движетъ, повидимому, сознаніе, что край этотъ не скоро доживетъ до осуществленія широкой и планомѣрной колонизаціи. Въ качествѣ суррогата таковой, на первый взглядъ весьма дешеваго и легко осуществимаго, и предлагаютъ они свободное заселеніе безъ предварительной нарѣзки. Нельзя, однако, оставить имъ даже такого сомнительнаго утѣшенія. Стоитъ вглядѣться поближе въ возможныя формы практическаго выполненія ихъ проекта, чтобы убѣдиться, что онъ и не дешевъ, и не простъ. Сдача земли въ аренду да еще съ правомъ выкупа въ собственность, очевидно, немыслима безъ точнаго опредѣленія объекта аренды, т. е. положенія и границъ участка. Но одно опредѣленіе этихъ признаковъ, въ видѣ съемки ихъ на планъ, потребуетъ большого количества труда отъ подлежащихъ должностныхъ лицъ при отсутствіи въ настоящее время какихъ-либо хо-

зяйственныхъ съемокъ въ Печорскомъ краѣ. Разбросанность отводимыхъ участковъ, краткость печорскаго лѣта, огромныя разстоянія и бездорожье края сдѣлаютъ то, что на съемки нѣсколькихъ небольшихъ участковъ нужно будетъ потратить цѣлое лѣто. Но вѣдь этимъ и не исчерпывается дѣятельность правительства по регулированію предполагаемаго свободнаго заселенія. Авторы соотвѣтствующаго проекта согласны съ тѣмъ, что подобное заселеніе допустимо лишь постольку, поскольку оно не нарушаетъ интересовъ старожилаго населенія и лѣсного хозяйства. Изслѣдованіе вопроса о томъ, нѣтъ-ли въ каждомъ данномъ случаѣ столкновенія упомянутыхъ интересовъ, сама по себѣ задача не легкая, но она становится неразрѣшимой, когда для ея правильнаго рѣшенія нѣтъ самыхъ элементарныхъ данныхъ. Что, напр., можно разумѣть подъ интересами старожилаго населенія, если вопросъ о землеустройствѣ его совершенно не выясненъ, какъ опредѣлить интересы лѣсного хозяйства, пока нѣтъ еще лѣсоустройства? Не трудно видѣть, что всѣ эти вопросы не допускаютъ рѣшенія случайнаго, по произвольному усмотрѣнію отдѣльныхъ должностныхъ лицъ. Равнымъ образомъ нельзя произвольно или чисто апріорнымъ путемъ брать нормы размѣра отводимыхъ участковъ. Убѣждаясь же въ этомъ, мы приходимъ какъ разъ къ выводу относительно неизбѣжности планомѣрной постановки всего дѣла колонизаціи и настоятельной необходимости предварительнаго разрѣшенія нѣкоторыхъ весьма важныхъ практическихъ вопросовъ государственно-хозяйственнаго значенія.

Неотложна-ли колонизація Печорскаго края.

Нѣтъ сомнѣнія, что строго обдуманное и основательно подготовленное проведеніе въ жизнь мѣропріятій по колонизаціи Печорскаго края должно отодвинуться въ даль будущаго, быть можетъ, на цѣлый десятокъ лѣтъ. Съ этимъ нужно помириться. Изъ всего предыдущаго изложенія можно видѣть, что дѣло колонизаціи Печорскаго края столь сложно и поставлено въ такія неблагопріятныя условія, что оно не можетъ быть осуществлено такъ просто и быстро, какъ этого хотѣлось бы наиболѣе горячимъ „радикально-оптимистически“ настроеннымъ адептамъ идеи. Въ то же время легко можно видѣть, что это дѣло не имѣетъ значенія неотложной государственной задачи. Мысль о разрѣшеніи государственнаго аграрнаго кризиса путемъ колонизаціи Печоры необходимо скорѣе выбросить изъ состава аргументовъ по настоящему вопросу, какъ случайный lapsus linguae. Съ точки зрѣнія „богатствъ“ самого края, также нѣтъ въ его колонизаціи ничего неотложнаго. Судьба промышленныхъ богатствъ не связана съ сельскохозяйственной колонизаціей. А земельный фондъ находится въ такихъ условіяхъ, что немедленность использованія его была бы важна лишь въ томъ случаѣ, если бы использованы были запасы земель болѣе доступныхъ, находящіеся въ болѣе выгодныхъ условіяхъ эксплоатаціи.

Можно-ли сказать, что у насъ исчерпанъ весь запасъ болѣе доступныхъ въ колонизаціонномъ отношеніи земель? Лучшимъ отвѣтомъ на подобный вопросъ можетъ быть географическая карта всей Архангельской губерніи. Разница въ степени заселенности между Печорскимъ краемъ, съ одной стороны, и большей частью остальныхъ уѣздовъ губерніи, съ другой,—весьма не велика. Характеръ разселенія старожиловъ носитъ во многихъ мѣстностяхъ все тѣ же черты занятія исключительно прибрежныхъ наиболѣе доступныхъ и выгодныхъ земельныхъ полосъ съ сохраненіемъ въ неприкосновенности остального фонда.

Чтобы охарактеризовать размѣръ свободнаго земельнаго фонда центральныхъ уѣздовъ, достаточно сказать, что при обсужденіи въ Особомъ Совѣщаніи при Губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ Присутствіи вопроса о колонизаціи губерніи, только въ двухъ лѣсничествахъ Холмогорскаго и Пинежскаго уѣздовъ намѣчено было для первой колонизаціонной очереди около 80 тысячъ десятинъ земли. По вычисленіямъ же мѣстнаго Управленія Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, сдѣланнымъ еще въ 1905 году при очень неблагопріятныхъ условіяхъ и съ большою осторожностью, въ центральныхъ уѣздахъ губерніи найдется до 600 тысячъ десятинъ земли, свободной для цѣлей колонизаціи. Количество этого свободнаго земельнаго запаса не представляетъ большой разницы съ Печорскимъ краемъ. Сопоставляя все это съ имѣющимися нынѣ данными о количествѣ и условіяхъ доступности Печорскаго земельнаго фонда, нельзя не придти къ убѣжденію, что центральные уѣзды губерніи должны стать ареной колонизаціи первой очереди, а за ними можетъ послѣдовать Печорскій уѣздъ. На самомъ дѣлѣ было бы по меньшей мѣрѣ нерасчетливо бросаться на окраину, оставляя незаселенными центральныя части, поставленныя въ гораздо болѣе выгодныя условія, какъ по климату, обезпеченности побочныхъ заработковъ населенія и близости къ центрамъ, такъ и по степени развитія путей сообщенія. Вотъ почему не приходится огорчаться, что вопросъ о колонизаціи Печорскаго края долженъ будетъ вѣроятно отодвинуться въ дальнюю очередь: такова его естественная судьба. Запасъ времени, остающійся такимъ образомъ въ распоряженіи правительства для надлежащей теоретической и практической подготовки окончательнаго осуществленія задачи колонизаціи Печорскаго края, можетъ и долженъ быть посвященъ выполненію всѣхъ тѣхъ предварительныхъ мѣропріятій и изслѣдованій, безъ коихъ неосуществима раціональная колонизація этого края.

Развитіе путей сообщенія.

Самой необходимой предварительной задачей общаго характера представляется развитіе въ Печорскомъ краѣ путей сообщенія. Я уже приводилъ мнѣніе на этотъ счетъ г. Журавскаго, оно относилось лишь къ одному изъ районовъ будущей

колонизаціи, но въ равной же мѣрѣ оно имѣетъ значеніе и для всего края. Хозяйство, основанное на молочномъ скотоводствѣ,—признаваемомъ наиболѣе подходящимъ для условій Печорскаго края,—нуждается настоятельно въ широкомъ и доступномъ рынкѣ, иначе говоря въ хорошихъ путяхъ сообщенія.

Сѣть мелкихъ грунтовыхъ дорогъ подъѣзднаго значенія можетъ быть создана при окончательномъ выполненіи колонизаціоннаго плана параллельно съ отводомъ колонизаціонныхъ площадей или участковъ. Но магистрали сообщеній должны быть разработаны заранѣе, какъ существенно необходимое во многихъ случаяхъ условіе широкаго притока колонизаціонной волны. За послѣднее время возбудилъ большой интересъ вопросъ о желѣзной дорогѣ на Печору; наиболѣе популярнымъ варіантомъ является варіантъ линіи изъ Архангельска черезъ Ухту на Уралъ и Обь, т. е. такъ называемой Обь-Архангельской желѣзной дороги. Необходимо указать во избѣжаніе возможныхъ недоразумѣній, что въ дѣлѣ колонизаціи края, въ разсматриваемой мною постановкѣ вопроса, упомянутая желѣзнодорожная линія не сыграетъ большой роли. Пройдя черезъ самую южную оконечность области, она слабо затронетъ своимъ вліяніемъ остальной край, если, конечно, не будетъ связана съ нимъ сѣтью другихъ путей. Вообще, проведеніе отдѣльной желѣзнодорожной магистрали въ такомъ обширномъ и лишенномъ другихъ путей сообщенія краю, какъ Печорскій, не можетъ имѣть рѣшающаго значенія среди всего комплекса условій его экономическаго развитія. Мечтать же о созданіи въ краѣ желѣзнодорожной *сѣти* было бы, конечно, утопіей. Естественнымъ выходомъ изъ получающагося такимъ образомъ труднаго положенія мнѣ представляются должныя заботы о развитіи естественныхъ водныхъ путей, которыми Печора достаточно богата. Необходимо, во-первыхъ, создать вполнѣ благопріятныя условія для судоходства въ устьѣ Печоры, чтобы обезпечить свободное и регулярное общеніе съ заграничными рынками. Необходимо затѣмъ улучшеніе условій судоходства по остальной Печорѣ и ея притокамъ путемъ освѣщенія и урегулированія фарватера, съ одной стороны, и развитія срочныхъ пароходныхъ сообщеній, съ другой. Развитіе водныхъ и грунтовыхъ сообщеній съ сосѣдними областями: Чердынью, Вычегодскимъ краемъ, Сибирью,—должно войти необходимою составною частью въ планъ мѣропріятій, направленныхъ къ развитію путей сообщенія на Печорѣ. Цѣль подготовки благопріятной почвы для колонизаціи края, какъ таковой, сливается въ данномъ случаѣ съ общей цѣлью выработки существенно необходимыхъ мѣропріятій для общаго культурно-экономическаго развитія Печорскаго края. Естественно поэтому видѣть, что соотвѣтствующая группа мѣропріятій разрабатывается и осуществляется самостоятельно, внѣ прямой связи со спеціаль-

ной задачей колонизаціи. Но и со спеціальной колонизаціонной точки зрѣнія приходится пожелать возможно болѣе энергичнаго и широкаго развитія государственной и общественной дѣятельности по развитію въ Печорскомъ краѣ водныхъ и грунтовыхъ путей сообщенія.

Спеціальная подготовительная дѣятельность.

Но, помимо указанныхъ мѣропріятій общаго значенія, дѣло колонизаціи Печоры нуждается въ предварительномъ осуществленіи нѣкоторыхъ задачъ болѣе спеціальнаго характера.

Я приводилъ выше соображенія въ пользу того, что единственнымъ вполнѣ пригоднымъ матеріаломъ для колонизаціи Печорскаго края при условіяхъ ближайшаго момента можетъ быть крестьянинъ изъ такихъ областей Россіи, которыя наиболѣе близки Печорскому краю по своимъ климатическимъ и мѣстнымъ особенностямъ. Въ силу этихъ соображеній крестьянское переселеніе обычнаго типа, подъ руководствомъ и при содѣйствіи правительства, представляется основной формой цѣлесообразной колонизаціи края. Другая форма, проектированная для прочихъ мѣстностей Архангельской губерніи Особымъ Совѣщаніемъ при Губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ Присутствіи, [1])— продажа земель лицамъ всѣхъ сословій не можетъ сыграть видной роли при колонизаціи Печоры, и потому, входя въ общій планъ колонизаціи, какъ возможная частность, она не должна измѣнять основной постановки задачи въ цѣломъ.

Предварительное лѣсоустройство.

Планомѣрная переселенческая колонизація, нуждаясь прежде всего въ предварительной нарѣзкѣ годныхъ для заселенія площадей, требуетъ предварительнаго разрѣшенія вопросовъ лѣсоустройства и землеустройства старожиловъ. Изъ предыдущаго изложенія видно, почему надо считать цѣлесообразной смѣшанную нарѣзку колонизаціонныхъ участковъ изъ различныхъ составныхъ частей всего пригоднаго для колонизаціи земельнаго фонда. Для подобной нарѣзки необходимо выясненіе общаго состава фонда не путемъ отрывочнаго изслѣдованія отдѣльныхъ районовъ, болѣе или менѣе произвольно выбранныхъ, а путемъ послѣдовательнаго, сплошного изученія земельнаго запаса края. Вполнѣ цѣлесообразной предпосылкой для такого колонизаціоннаго изученія земель представляются работы по лѣсоустройству. Онѣ уже начаты въ Архангельской губерніи по опредѣленной программѣ, приводимой постепенно въ исполненіе, и слѣдовательно въ отношеніи Печорскаго края онѣ будутъ выполнены въ близкомъ будущемъ даже независимо отъ даннаго спеціальнаго интереса, о которомъ я говорю. Съ выполненіемъ лѣсоустроительныхъ работъ прежде всего точно выяснены будутъ задачи лѣсного хозяйства, во имя коихъ необходимо выдѣлить изъ плана колонизаціи тѣ или другія части печорскаго земельнаго фонда,

[1]) Объ открытіи казенныхъ земель Архангельской губерніи для свободнаго заселенія лицами всѣхъ сословій. Журналъ Особаго Совѣщанія.

т. е. установлена будетъ опредѣленная граница, по которой должны быть размежеваны интересы колонизаціи, съ одной стороны, и лѣсного хозяйства—съ другой. Тѣ же лѣсоустроительныя работы окажутъ нѣкоторыя спеціальныя услуги дальнѣйшей работѣ по осуществленію колонизаціи. Въ программу ихъ введена по инструкціи 2 Мая 1907 г. обязанность намѣчать участки, пригодные для заселенія. По предположеніямъ же Особаго Совѣщанія при Архангельскомъ Губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ Присутствіи, лѣсоустроительнымъ партіямъ должно быть вмѣнено въ обязанность намѣчать всѣ площади казенныхъ лѣсовъ, которыя окажутся свободными и пригодными для заселенія по качеству ихъ лѣсонасажденій, по почвеннымъ условіямъ и по отсутствію владѣній старожилаго населенія. Въ результатѣ подобныхъ изслѣдованій дана будетъ извѣстнаго рода канва для окончательнаго опредѣленія колонизаціонной пригодности наличнаго свободнаго земельнаго запаса при посредствѣ спеціальной переселенческой организаціи, имѣющей вступить въ дѣло въ позднѣйшей его стадіи.

Помимо сказаннаго, лѣсоустроительныя работы дадутъ извѣстныя линіи, по которымъ можно будетъ легко оріентироваться при нарѣзкѣ колонизаціонныхъ площадей, какъ это имѣло мѣсто въ работахъ экспедиціи Соколова въ Вологодской губерніи. Вотъ почему, въ интересахъ практическаго осуществленія идеи колонизаціи Печорскаго края, приходится пожелать скорѣйшаго производства тамъ лѣсоустроительныхъ работъ, принаровленныхъ въ извѣстной мѣрѣ къ запросамъ колонизаціи.

Землеустройство старожиловъ.

Одной изъ непремѣнныхъ задачъ лѣсоустроительныхъ партій должно быть опредѣленіе границъ фактическаго землепользованія старожилаго населенія. Оно необходимо, какъ исходная точка для установленія тѣхъ наиболѣе насущныхъ интересовъ этого населенія, съ которыми желательно считаться при организаціи переселенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ оно дастъ основной матеріалъ для уясненія главныхъ принциповъ землеустройства старожиловъ.

Задача землеустройства старожилаго населенія гораздо тѣснѣе связана съ спеціальной задачей колонизаціи, чѣмъ это кажется на первый взглядъ. Я приводилъ по этому поводу опытъ колонизаціи Вологодской губерніи, подтвердившій тѣснѣйшую связь обѣихъ задачъ. Старожилы такой области, какъ Печорская, тѣ же колонисты, только старшіе по времени поселенія. Прекрасно приноровившіеся къ мѣстнымъ условіямъ, доказавшіе на дѣлѣ свою высшую пригодность для мѣстной колонизаціи, они должны быть разсматриваемы, какъ основное ядро всего личнаго заселенія края. Въ силу этого ихъ интересы должны быть достаточно ограждены при осуществленіи широкой переселенческой программы. Но, съ другой стороны, ихъ интересы имѣютъ

право на защиту лишь въ той мѣрѣ, въ какой они не противорѣчатъ общей задачѣ заселенія края. Наилучшій способъ примирить два указанныхъ принципа, какъ показалъ опытъ,[1]) заключается въ томъ, чтобы одновременно съ осуществленіемъ колонизаціи новыми элементами регулировать землепользованіе старожиловъ, съ примѣненіемъ къ этимъ послѣднимъ общихъ колонизаціонныхъ нормъ, но, конечно, съ сохраненіемъ за ними извѣстныхъ преимуществъ, даваемыхъ первенствомъ поселенія. Соединивъ воедино обѣ задачи, мы тѣмъ самымъ устанавливаемъ основныя начала для планомѣрнаго разграниченія интересовъ новоселовъ и старожиловъ и устраняемъ одно изъ крупнѣйшихъ практическихъ препятствій къ раціональной постановкѣ колонизаціи, существующее нынѣ въ формѣ совершенно неопредѣленнаго въ юридическомъ смыслѣ и экономически нецѣлесообразнаго землепользованія мѣстнаго населенія.

Описанная постановка землеустройства старожиловъ важна съ точки зрѣнія ихъ собственныхъ интересовъ. Было-бы несправедливостью сохранять дольше нынѣ существующее безформенное состояніе ихъ землепользованія въ то самое время, когда рядомъ съ ними новоселы будутъ пріобрѣтать точно отграниченные участки на полномъ правѣ собственности. Если полнота правъ на землю является залогомъ земледѣльческаго прогресса, то нельзя лишать этого блага ту часть населенія, которая представляетъ собою элементъ, наиболѣе способный къ хозяйственному прогрессу, въ силу наибольшей приспособленности своей къ мѣстнымъ особенностямъ хозяйства. Такимъ образомъ, нѣкоторая подготовительная работа по землеустройству старожиловъ, главнымъ образомъ, въ части выясненія наличнаго землепользованія ихъ, должна пасть на лѣсоустроительныя партіи, но окончательное его выполненіе есть задача ближайшей за этой стадіей работы.

Статистико-экономическое изслѣдованіе быта старожиловъ.

Существуетъ одна мѣра исключительно предварительнаго значенія, которую настоятельно необходимо выполнить, прежде чѣмъ перейти къ окончательному практическому осуществленію колонизаціи края, а также и землеустройства старожиловъ. Если бы мы въ настоящее время приступили къ дѣйствительному выполненію колонизаціонной программы, то очутились бы въ совершенно безпомощномъ положеніи потому, что не знали бы въ какомъ соотношеніи должны быть отводимы различнаго рода хозяйственныя угодья для раціональной постановки всего хозяйства. Для практическаго рѣшенія названной задачи у насъ нѣтъ весьма многихъ данныхъ. На основаніи какихъ данныхъ можемъ мы рѣшить, напр., кардинальный вопросъ о нормахъ нарѣзки

[1]) А. А. Кауфманъ. „Матеріалы и соображенія по вопросу о колонизаціи свободныхъ земель сѣверо-восточныхъ губерній“, стр. 330.

земли колонистамъ (а стало быть и старожиламъ). Для рѣшенія его у насъ нѣтъ точныхъ свѣдѣній о всѣхъ условіяхъ существующаго на мѣстѣ хозяйства, на основаніи которыхъ, въ связи съ возможными улучшеніями этого хозяйства, могли бы опредѣлиться нормальные общіе размѣры колонистскихъ участковъ. Затрудненія, вытекающія изъ недостатка такихъ свѣдѣній, сознаются всѣми, соприкасавшимися съ вопросомъ о колонизаціи Сѣвера. Упоминавшееся мною не разъ Особое Совѣщаніе признало, что „весьма важный вопросъ объ установленіи высшаго размѣра отводимыхъ участковъ не можетъ быть въ настоящее время рѣшенъ окончательно“—за отсутствіемъ „весьма существенныхъ данныхъ“. При аналогичныхъ условіяхъ г. Кауфманъ въ 1902 году писалъ: „землеотводной партіи приходится на каждомъ шагу встрѣчаться съ такими вопросами, которые могутъ быть съ желательною опредѣленностью разрѣшены лишь на основаніи точныхъ данныхъ объ условіяхъ мѣстнаго землевладѣнія и хозяйства“[1]). Такимъ образомъ тщательное изслѣдованіе хозяйственнаго быта старожиловъ представляется существенно необходимой предпосылкой къ окончательному выполненію задачи колонизаціи. Поскольку необходимо предварительное изученіе земельнаго фонда, постольку же необходимо изученіе экономики хозяйства населенія, пользующагося этимъ фондомъ. Опытъ наличнаго населенія, какъ мнѣ уже приходилось говорить, учитываетъ болѣе или менѣе удачно всю совокупность условій, въ которыя поставлено мѣстное хозяйство, и помимо этого опыта нѣтъ возможности произвести даже приблизительный ихъ учетъ, необходимый въ интересахъ будущаго колониста. Базируя колонизацію на земледѣльческомъ промыслѣ, нужно ясно себѣ представлять ту роль, которую этотъ промыселъ долженъ будетъ занять въ общемъ бюджетѣ возможнаго при мѣстныхъ условіяхъ хозяйства колонистовъ. Отсюда и вытекаетъ неизбѣжность предварительнаго статистическаго изслѣдованія экономическаго быта старожиловъ края, въ связи съ тѣми вопросами, которые возникаютъ въ практикѣ колонизаціи. Безъ такого предварительнаго изслѣдованія землеотводныя партіи оказываются, обыкновенно, вынужденными пополнять пробѣлъ собственными силами. „Крайняя важность точнаго статистическаго матеріала относительно условій крестьянскаго землевладѣнія и хозяйства“, пишетъ Кауфманъ, „была сознана землеотводными партіями съ самаго перваго момента ихъ дѣятельности“. „Въ виду того обстоятельства, что статистическія данныя, собранныя земскими статистическими бюро въ цѣляхъ общаго изслѣдованія безъ какого-либо соображенія съ надобностями землеотводнаго дѣла, не могли дать партіи всей

[1]) А. А. Кауфманъ. „Матеріалы и соображенія по вопросу о колонизаціи свободныхъ земель сѣверо-восточныхъ губерній“, стр. 375.

той совокупности данныхъ, которыя должны были понадобиться ей, какъ опора при землеотводныхъ работахъ, партіи естественно пришлось попытаться самой создавать для себя подобный матеріалъ". Подобное же положеніе грозитъ будущей печорской землеотводной партіи въ еще большей мѣрѣ, чѣмъ вологодской, потому что въ Архангельской губерніи она не найдетъ и тѣхъ статистическихъ матеріаловъ, которые имѣлись въ вологодскихъ земствахъ. Едва-ли нужно доказывать, что статистическія работы, выполненныя самой землеотводной партіей безъ надлежащей подготовки личнаго состава и наспѣхъ, не могутъ удовлетворить тѣмъ серьезнымъ требованіямъ, которыя предъявляетъ къ нимъ колонизаціонное дѣло. Врядъ ли поэтому можно оспаривать необходимость предварительнаго широкаго изслѣдованія быта старожиловъ приглашенными для этого спеціалистами по особо выработанной,—въ связи съ основной задачей колонизаціи,—программѣ. Едва-ли также нужно добавлять (такъ какъ это относится уже къ деталямъ практической постановки дѣла), что изслѣдованіе должно быть построено по типу подворнаго описанія. Приходится, правда, встрѣчать предположенія о необходимости анкетной системы въ производствѣ подобнаго статистическаго изслѣдованія,—путемъ описанія въ каждомъ селеніи нѣсколькихъ наудачу взятыхъ хозяйствъ. Но мнѣ думается, что рекомендація для основной статистической работы подобнаго пріема не можетъ быть пріемлема, и если ею можно было бы воспользоваться для цѣлей изученія края, то лишь при собираніи естественно-историческихъ коллекцій. Подобнаго рода рекомендація основана просто на незнакомствѣ съ существомъ статистическаго метода, на непониманіи того, что результаты такой статистической анкеты не будутъ имѣть никакого практическаго значенія.

Статистико-экономическое изслѣдованіе быта мѣстнаго населенія представляется задачей, имѣющей большое общее значеніе. Оно нужно, какъ основа всякаго мѣропріятія, направленнаго къ подъему экономическаго преуспѣянія населенія. Въ частности, землеустройство старожиловъ нуждается въ такого рода статистической работѣ. Какъ извѣстно, выдача владѣнныхъ записей крестьянамъ Архангельской губерніи была въ свое время пріостановлена въ виду слабаго развитія здѣсь крестьянскаго землепользованія: имѣлось въ виду дать время для расширенія его посредствомъ расчистокъ казенныхъ земель, чтобы впослѣдствіи отвести крестьянскіе надѣлы по наличному пользованію. Надежда на увеличеніе землепользованія мѣстныхъ крестьянъ не оправдалась. Подвергнувъ изученію данныя о ростѣ расчистокъ въ Архангельской губерніи, я пришелъ къ выводу, что онъ отстаетъ отъ роста населенія, и теперешній средній размѣръ крестьянскаго землевладѣнія по расчету на душу—ниже того, который существовалъ въ эпоху выдачи владѣнныхъ

записей крестьянамъ, вышедшимъ изъ крѣпостной зависимости[1]). Слѣдовательно, теперешнее землеустройство старожиловъ должно быть построено на началахъ выдѣла крестьянамъ не только всего наличнаго ихъ землепользованія, но также и, въ гораздо большей мѣрѣ, свободнаго казеннаго земельнаго фонда. Чтобы установить раціональныя нормы такого отвода, необходимо опять таки изучить сложившійся экономическій бытъ населенія.

Все это необходимо подчеркнуть, въ качествѣ свидѣтельства въ пользу того, что такія мѣры, какъ статистическое изученіе экономическаго быта населенія, нужны независимо отъ спеціальныхъ задачъ колонизаціи края, нужны въ одинаковой мѣрѣ какъ Печорскому краю, такъ и всей остальной губерніи, и потому было-бы вполнѣ цѣлесообразно поставить подобное изслѣдованіе по общему плану, охватывающему всю губернію.

Агрономическая помощь колонистамъ.

Въ ряду такихъ же мѣропріятій, одинаково связанныхъ и съ колонизаціонными задачами и съ общими экономическими нуждами края, необходимо помѣстить надлежащую агрономическую помощь населенію. Для успѣха колонизаціи въ тѣхъ исключительно своеобразныхъ условіяхъ природы, которыя представляетъ Печорскій край, необходимо, конечно, поставить дѣло такъ, чтобы всякій новый поселенецъ былъ снабженъ достаточно практичными и полными указаніями агрономической науки въ трудномъ дѣлѣ организаціи новаго хозяйства въ этомъ краѣ. Иначе сказать, поселенецъ долженъ найти на мѣстѣ уже готовую, широко поставленную и хорошо освѣдомленную агрономическую организацію. Но, очевидно, въ то же время, что при неразработанности нашихъ знаній объ условіяхъ сельскаго хозяйства на Печорѣ, любая агрономическая организація можетъ быть полезна поселенцу лишь въ томъ случаѣ, если она сама будетъ имѣть подъ собою твердую почву основательнаго предварительнаго изученія сельско-хозяйственныхъ условій области. Такимъ образомъ, въ систему предварительныхъ мѣропріятій по колонизаціи сама собою входитъ широкая постановка сельско-хозяйственныхъ опытовъ и, вообще, сельско-хозяйственнаго изученія края. Нужна, очевидно, хотя бы одна въ области постоянная сельско-хозяйственная опытная станція, находящаяся подъ руководствомъ спеціалиста этого дѣла агронома, въ распоряженіе коего должны быть даны личныя и денежныя средства для развитія сѣти сельско-хозяйственныхъ опытныхъ организацій, т. е. для систематической и тщательной постановки того самаго дѣла, которое пыталась организовать въ 1909 г. экспедиція г. Журавскаго. Постоянная опытная станція, въ связи съ таковой же агрономической организаціей, хотя бы въ лицѣ одного

[1]) Докладъ автора, представленный въ Главное Управленіе Землеустройства и Земледѣлія, объ особенномъ значеніи мелiоративнаго кредита въ дѣлѣ развитія земледѣльческаго промысла въ Архангельской губерніи. См. „Изв. Арх. общ. изуч. Русскаго Сѣвера“, 1910 г., № 18.

уѣзднаго агронома, внѣ сомнѣнія болѣе пригодны для постановки требующихъ ряда лѣтъ опытовъ и повѣрки результатовъ, добытыхъ ими въ условіяхъ мѣстнаго хозяйства, чѣмъ временная экспедиція. Намѣченная опытно-агрономическая организація при переходѣ къ практическому осуществленію плана колонизаціи должна будетъ въ извѣстной мѣрѣ перестроиться и пріобрѣсть болѣе *инструкторскій* характеръ, чѣмъ въ ближайшемъ подготовительномъ періодѣ. Знаніе природы края, накопленное ею въ ближайшее время, должно будетъ широко разлиться въ переселенческой массѣ въ видѣ живыхъ практическихъ и достаточно доступныхъ указаній. Но на первыхъ порахъ ей естественно придется въ связи, конечно, съ обще-губернской организаціей носить болѣе сосредоточенный характеръ съ интенсивнымъ развитіемъ *опытной* стороны дѣла. Вопросъ объ агрономіи въ Печорскомъ краѣ, подобно другимъ, выше разсмотрѣннымъ вопросамъ предварительнаго значенія, сливается съ общей задачей развитія агрономической помощи населенію губерніи, если принять въ соображеніе, что колонизаціонный вопросъ—общій для всей губерніи, и что условія сельско-хозяйственной дѣйствительности во многомъ сходны по всѣмъ ея концамъ; слѣдовательно и опытно-агрономическая организація должна быть развита одновременно по всей губерніи, покрайней мѣрѣ, по всѣмъ тѣмъ уѣздамъ, гдѣ сельское хозяйство имѣетъ достаточно серьезное значеніе. О необходимости расширенія агрономической организаціи въ Архангельской губерніи мнѣ приходилось уже не разъ говорить съ приведеніемъ деталей—возможнаго осуществленія этой задачи [1]).

Окончательное выполненіе колонизаціоннаго плана.

Итакъ. лѣсоустройство, принаровленное къ цѣлямъ колонизаціи, статистическое изслѣдованіе экономическаго быта населенія, агрономическое изученіе сельско-хозяйственныхъ условій края—таковы три основныя мѣры, долженствующія подготовить почву для колонизаціи. Мнѣ остается коснуться тѣхъ условій осуществимости колонизаціи, которыя должны войти въ систему окончательныхъ мѣръ по приведенію въ исполненіе колонизаціоннаго плана. Нѣкоторыя изъ этихъ мѣръ уже намѣчены выше. Такъ я упоминалъ о необходимости отвода колонизаціонныхъ участковъ при посредствѣ особой переселенческой организаціи, указавъ на необходимость сооруженія, одновременно съ отводомъ подъѣздныхъ грунтовыхъ дорогъ и, наконецъ, на необходимость доступныхъ для переселенцевъ практическихъ указаній агронома.

---

[1]) Архангельская губернія въ сельско-хозяйственномъ отношеніи и желательная въ ней постановка агрономической помощи населенію. Докладъ, представленный въ Департаментъ Земледѣлія.

Исключительная тяжесть условій, въ которыя долженъ попасть печорскій колонистъ, требуетъ помимо всего сказаннаго еще и широкаго матеріальнаго содѣйствія ему со стороны правительства. Всѣ тѣ льготы, которыми пользуется сибирскій переселенецъ, должны быть, само собою, распространены на переселенца печорскаго, потому что совершенно произвольно утверждать, будто переселеніе на Печору требуетъ отъ переселенца меньше тратъ и усилій, чѣмъ переселеніе въ Сибирь. Льготы эти, во всякомъ случаѣ, должны простираться не только на облегченіе передвиженія переселенца по желѣзной дорогѣ до Архангельска и далѣе на пароходѣ, но и на обзаведеніе его на новомъ мѣстѣ живымъ и мертвымъ инвентаремъ. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ имѣется подъ руками строевой лѣсъ, онъ долженъ быть отпущенъ переселенцу безплатно; гдѣ его нѣтъ, должна быть организована доставка. Наряду съ этимъ должно быть обезпечено снабженіе переселенцевъ продуктивнымъ молочнымъ скотомъ, конечно, не тѣмъ, которымъ довольствуется туземное населеніе, не строющее свой бюджетъ на доходахъ исключительно отъ скотоводческаго промысла, а тѣмъ, который допускалъ бы постановку колонистами наиболѣе раціональнаго молочнаго хозяйства.

Меліоративный кредитъ.

Одной изъ самыхъ необходимыхъ формъ поддержанія правительствомъ печорскаго переселенія является широкое содѣйствіе новоселамъ въ дѣлѣ меліорированія земель. Мы видѣли, что эта операція не подъ силу даже состоятельному переселенцу—настолько значителенъ трудъ, который нужно вложить въ печорскую землю, чтобы заставить ее давать извѣстный доходъ. Слѣдовательно, широкая колонизація края немыслима безъ широкаго же содѣйствія населенію по меліораціи земель, каковое возможно въ формѣ меліоративнаго кредита. Если такой кредитъ будетъ оказываться только въ пропорціональной зависимости отъ количества уже произведенныхъ меліорацій, небольшими суммами и постепенно, то можно быть увѣреннымъ, что при раціональной организаціи контроля не будетъ почвы для развитія какихъ либо злоупотребленій кредитомъ, а слѣдовательно, не будетъ основаній опасаться, что онъ разовьетъ въ переселенцѣ вредную привычку полагаться на казенный паекъ.

Вопросъ объ оленеводствѣ.

Заканчивая очеркъ вопроса о колонизаціи Печорскаго края, я не могу не упомянуть еще объ одномъ, неразрывно связанномъ съ общей задачей колонизаціи вопросѣ, стоящемъ однако особнякомъ вслѣдствіе значительной сложности своей и своеобразія. Я имѣю въ виду вопросъ о тундровомъ оленеводствѣ, тѣснѣйшимъ образомъ связанномъ съ вопросомъ о бытѣ самоѣдовъ. Въ основѣ экономическаго пользованія сѣверными тундрами, по общему мнѣнію, должно и впредь остаться оленеводство. Это положеніе выдѣляетъ ихъ изъ всего остальнаго земельнаго

запаса, долженствующаго отойти подъ колонизацію пришлыми элементами. Можно, конечно, надѣяться и имѣть въ виду, что въ будущемъ и оленеводство станетъ одной изъ отраслей хозяйства всего населенія безъ различія его бытового состава. Но въ настоящее время вопросъ объ оленеводствѣ приходится трактовать въ условіяхъ исторической перспективы, т. е. не только съ точки зрѣнія вообще раціональнаго экономическаго использованія тундровыхъ пастьбищныхъ богатствъ, но и съ точки зрѣнія взаимныхъ отношеній наличныхъ племенныхъ элементовъ, которые въ данное время вмѣщаютъ въ своей средѣ все занятіе оленеводствомъ, ибо, какъ я говорилъ и раньше, лучшей колонизаціонной политикой всегда является та, которая стремится прежде всего использовать наличныя силы, уже приспособившіяся къ условіямъ мѣстной колонизаціи. Кочевой бытъ историческихъ оленеводовъ-самоѣдовъ, отсталость и неразвитость его юридическихъ формъ, а съ другой стороны вѣками разросшаяся противоположность интересовъ самоѣдовъ интересамъ оленеводовъ—зырянъ въ сферѣ пользованія тундрами для пастьбы оленей дѣлаютъ необходимой прежде всего выработку *особыхъ* юридическихъ формъ для урегулированія отношеній названныхъ племенныхъ элементовъ въ области тундрового оленеводства. Эта задача составляла предметъ усиленнаго вниманія правительства въ теченіе прошлаго столѣтія, но, благодаря сложности своей, осталась безъ надлежащаго рѣшенія и въ такомъ видѣ нерѣшеннаго вопроса дошла до нашихъ дней. По размѣрамъ и плану настоящаго очерка я не могу входить въ подробное изученіе указаннаго вопроса. Я счелъ лишь необходимымъ указать на естественное обособленіе его отъ общаго плана колонизаціи края. Во всякомъ случаѣ, очевидно, что для цѣлесообразнаго разрѣшенія вопроса о тундровомъ оленеводствѣ необходимо основательное изученіе природы тундръ, потребностей оленеводства и быта кочевыхъ самоѣдовъ. Основная практическая задача подобнаго изученія представляется задачей творческаго характера, потому что въ этой области приходится все созидать заново. Въ силу этихъ соображеній наряду съ экспедиціей, которой должно быть дано порученіе изучить на мѣстѣ всѣ существенныя стороны вопроса, должна быть создана и другая организація для выработки на основаніи собраннаго экспедиціоннымъ путемъ матеріала соотвѣтствующихъ нормъ, могущихъ въ извѣстной мѣрѣ примирить интересы наличныхъ бытовыхъ оленеводныхъ группъ съ задачей раціональнаго использованія тундръ и развитія раціональнаго оленеводства.

Заключеніе.

Резюмируя итоги настоящаго очерка, я могу формулировать ихъ въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1) Вопросъ о колонизаціи Печорскаго края не имѣетъ значенія неотложной государственной задачи ни съ точки зрѣнія ея возможныхъ результатовъ, ни тѣмъ болѣе съ точки зрѣнія условій, существенно необходимыхъ для успѣшнаго ея осуществленія.

2) Колонизація Печорскаго края желательна вслѣдъ за осуществленіемъ колонизаціи центральныхъ районовъ Архангельской губерніи.

3) Въ основу колонизаціи Печорскаго края должно быть положено сельскохозяйственное использованіе пригоднаго для этого земельнаго запаса, главнымъ образомъ, въ формѣ скотоводства.

4) Основная форма колонизаціи, могущая имѣть успѣхъ,-переселеніе крестьянъ изъ мѣстностей, близкихъ Печорскому краю по особенностямъ природы, и параллельное этому землеустройство старожилаго населенія.

5) Для раціональнаго выполненія колонизаціонной задачи, въ смыслѣ возможности широкаго скотоводческаго хозяйства, нужно прежде всего развитіе въ краѣ путей сообщенія, обезпечивающихъ удобный транспортъ продуктовъ скотоводства на рынки массоваго потребленія ихъ.

6) Для той же цѣли необходимо выполненіе ряда спеціальныхъ подготовительныхъ мѣропріятій: производство лѣсоустроительныхъ работъ, статистическое изученіе экономическаго быта старожилаго населенія и агрономическое изученіе условій сельскаго хозяйства въ краѣ.

7) Такъ какъ лѣсоустроительныя работы уже введены въ планъ работъ лѣсного вѣдомства, нынѣ постепенно осуществляемый, то онѣ нуждаются лишь въ большѣмъ приспособленіи къ запросамъ колонизаціоннаго плана.

8) Что же касается статистическаго изученія экономическаго быта старожиловъ и агрономическаго изученія условій сельскаго хозяйства, то организація того и другого представляетъ *насущную задачу ближайшаго момента.*

9) Указанныя мѣропріятія могутъ и должны быть поставлены не для одного Печорскаго края, а для всей губерніи, по крайней мѣрѣ, для той части ея, которая входитъ въ сферу предполагаемой сельскохозяйственной колонизаціи.

10) Предварительное изученіе намѣченными выше путями основныхъ условій колонизаціи должно привести къ выработкѣ колонизаціонныхъ нормъ.

11) Окончательное выполненіе колонизаціоннаго плана должно свестись къ практическому примѣненію означенныхъ нормъ путемъ отвода переселенцамъ при помощи особой землеотводной организаціи пригодныхъ для хозяйства земель за счетъ всего изслѣдованнаго запаса.

12) Отводу переселенческихъ участковъ должно сопутствовать устройство подъѣздныхъ грунтовыхъ путей.

13) Переселенцамъ должна быть оказана со стороны правительства не только совѣщательная агрономическая помощь при постановкѣ ихъ новаго хозяйства, но и широкое матеріальное содѣйствіе какъ при переѣздѣ на мѣста поселенія, такъ и при обзаведеніи мертвымъ и живымъ инвентаремъ.

14) Особенно необходимъ меліоративный кредитъ.

15) Въ связи съ разрѣшеніемъ общаго вопроса о колонизаціи Печорскаго края необходимо установить нормы для тундрового оленеводства, собравъ необходимый для этого матеріалъ экспедиціоннымъ путемъ.

Архангельскъ.
Апрѣль 1910 г.